

ЕВГЕНИЙ
КЛЮЕВ

СКАЗКИ
НА ВСЯКИЙ
СЛУЧАЙ

Евгений Васильевич Ключев

Сказки на всякий случай

Shapokljak

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159802

Сказки на всякий случай: СЛОВО/SLOVO; М.; 2003

ISBN 5-85050-702-7

Аннотация

Евгений Ключев – один из самых неординарных сегодняшних русскоязычных писателей, автор нашумевших романов.

Но эта книга представляет особую грань его таланта и предназначена как взрослым, так и детям. Евгений Ключев, как Ханс Христиан Андерсен, живет в Дании и пишет замечательные сказки. Они полны поэзии и добра. Их смысл понятен ребенку, а тонкое иносказание тревожит зрелый ум. Все сказки, собранные в этой книге, публикуются впервые.

Содержание

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ	5
МАЛЕНЬКИЙ СТАРАТЕЛЬНЫЙ ВЕЕР	10
НИКОМУ НЕИЗВЕСТНАЯ БУКАШКА	14
ИЗУМРУДНОГО ЦВЕТА	
РАЗВОДНОЙ МОСТ	19
ОДИН ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ САЛЮТ	24
ВОДОСТОЧНАЯ ТРУБА, ИСПОЛНЯВШАЯ	28
ФУГУ	
ПОДТЯЖКИ СО СВЯЗЯМИ	32
РАССЕЯННЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ	37
ЛЁГКОЕ ОБЛАЧКО ПЕНЫ	41
ГЛУПЫЙ БЕЗЫМЯННЫЙ ПОБЕГ	45
ПРОСТО АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРОЧКА	49
БАРАБАН, КОТОРЫЙ УМЕЛ УЖАСНО	53
ГРОМКО СТУЧАТЬ	
ЗАСУШЕННЫЙ БУКЕТ КРАСНЫХ РОЗ	58
ДУРАЦКАЯ БАХРОМА	62
ЗАЕЗЖЕННАЯ ПЛАСТИНКА	67
ТОРТ, КОТОРЫЙ БЫЛО ГРЕХ ЕСТЬ	71
КАПРИЗНЫЙ ШАРФИК В ШОТЛАНДСКУЮ	76
КЛЕТКУ	
УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОДНОГО	81
ЧАЙНОГО ПАКЕТИКА	

КИТАЙСКИЙ БОЛВАНЧИК	86
БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ	91
ПОНЕДЕЛЬНИК, ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Евгений Клюев

Сказки на всякий случай

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

У Отрывного Календаря всё было рассчитано: по одному листку на каждый день. А всего, стало быть, триста шестьдесят пять листков – ровно столько же, сколько дней в году. И повесили его тоже с расчётом: строго посередине стены.

«Почётное место...» – подумал Отрывной Календарь и даже немножко засмутился.

Да и любой на его месте засмутился бы: шуточное ли дело – висеть у всех на виду! Тут хочешь не хочешь, а будешь следить за собой.

Уже через несколько минут Отрывной Календарь перезнакомился с обитателями квартиры: их было много – и они были такие разные! Каждый радушно поприветствовал его и представился. Отрывной Календарь всякий раз говорил: «Очень приятно!» – и тоже представлялся в ответ. С ними ему предстояло прожить долгую и интересную жизнь, что Отрывной Календарь, конечно, ужасно радовало – и радость эта была прямо написана у него на лице.

– Дайте-ка я прочту, что у Вас на лице написано, – приоткрылась к нему Картина-с-Противоположной-Стены и прочла: – «Радость». А по какому поводу радость? – спросила она.

– По поводу жизни, – охотно ответил Отрывной Календарь. – Долгой и интересной жизни.

– Долгой и интересной? – расхохоталась Картина-с-Противоположной-Стены. – Жизнь коротка и скучна!

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то зачем же, дескать, её жить... но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать.

А утром следующего дня с него сорвали первый листок – первого января как не бывало! Так и пошла вперёд его жизнь – день за днём: второе января, третье, четвёртое... февраль, март. И каждый день был полон событий, о которых ему надо было успеть напомнить всем в доме. Два дня назад, например, был первый день весны – самое важное событие в году!

– Простите, если это слишком личный вопрос, – обратилась к нему однажды в апреле Толстенная Поваренная Книга, – но какая у Вас диета.

– Какая у меня... что? – удивился Отрывной Календарь. Отрывной Календарь не замечал, что худеет на глазах. Да и когда было замечать? Жизнь так нравилась ему и казалась такой долгой и интересной, что дни пролетали совсем незаметно!

– Он просто ведёт неправильный образ жизни! – вмешалось Ленивое Кресло.

– Это как же? – озадачился Отрывной Календарь.

– Да так... растрчиваете свою жизнь направо и налево – вот и худеете! Между тем жизнь коротка и скучна – её надо беречь.

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж её тогда, дескать, беречь... но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать.

А она, между тем, шла и шла – дел было хоть отбавляй! Да и дни становились всё короче: вот одна минута убыла от светлого времени суток, вот две, вот три... и об этом тоже надо было неустанно напоминать – чтобы все успевали использовать отпуска и каникулы до последней минуты. А первого сентября дети должны были ещё не забыть пойти в школу... Ах, какая же всё-таки разнообразная она, эта жизнь, какая долгая и интересная!

– Вы, дорогой мой, работаете на износ, – в середине октября обратилась к Отрывному Календарю очень щадившая себя Хрустальная Люстра, которую зажигали только по большим праздникам. – Так нельзя. От Вас уже практически ничего не осталось.

– Разве? – удивился Отрывной Календарь и рассеянно добавил: – А я и не замечаю! Но стоит ли об этом вообще думать, когда перед тобой такая долгая и интересная жизнь?

– Вы всё о том же! – усмехнулась Хрустальная Люстра. – Так и не поняли ничего за целый год... Говорят же Вам все вокруг: жизнь коротка и скучна!

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж тогда, дескать, себя щадить... но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать.

И вот наступил самый хлопотливый месяц в году, декабрь. Дни убывали теперь уже со страшной скоростью – и темно становилось чуть ли не сразу после полудня. А приблизительно с середины месяца все просто сбились с ног: пришло время подарков. Листки с Отрывного Календаря слетали так быстро, что он даже не успевал провожать их взглядом, – до тех пор, пока не остался последний, 31 декабря.

– Ну, вот и всё, – подвело за Отрывной Календарь итог его жизни Ленивое Кресло. – Так бывает с каждым, кто возлагает на себя неподъёмные задачи. Жизнь слишком коротка и скучна – и никогда не следует торопиться.

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж тогда, дескать, медлить... но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать.

– Вы бы хоть простились с нами, – сказала Хрустальная Люстра, в первый раз за всю свою короткую и скучную жизнь роняя хрустальную слезинку: ей было больно смотреть на совсем отошавший Отрывной Календарь.

– Проститься? – рассмеялся тот. – А не рано ли? Передо мной ещё целый день жизни... такой долгой и такой интересной жизни!

МАЛЕНЬКИЙ СТАРАТЕЛЬНЫЙ ВЕЕР

Когда Маленький Старательный Веер, который до этого просто валялся на дне ящика в платяном шкафу, положили в пляжную сумку и принесли в ней на берег моря, он понял: его ждут великие дела. «Ну, теперь все точно узнают, на что я способен!» – ликовал Маленький Старательный Веер.

Но, поликовав немножко, он призадумался. А призадумавшись, понял, что работа, предстоящая ему, скорее всего, непосильна для такого маленького, пусть даже и старательного, веера. Повсюду, куда хватало глаз, простирался горячий белый песок, чуть ли не дымившийся под нещадно палящим солнцем. И ни единого дуновения ветерка не доносилось с моря.

– Ох, не справиться мне, – сразу же и отчаялся Маленький Старательный Веер. – У меня же никаких сил не хватит на то, чтобы побороть эту жару... Даже если мною будут махать без остановки.

Впрочем, им уже давно махали, так что пора было прекращать отчаиваться и как следует браться за работу. Маленький Старательный Веер так и сделал: распластал крылышки и замахал ими с немислимой скоростью – пляж просто поплыл у него перед глазами.

Сначала, конечно, никто долго ничего не замечал, и Маленький Старательный Веер уже начал терять веру в себя. Оно и понятно: кому же нравится зря тратить силы! А тем более – если ты всего-навсего Маленький Старательный Веер и тебя заведомо недостаточно для того, чтобы охладить такой огромный пляж с несколькими тысячами отдыхающих.

Но тут – совершенно внезапно, когда Маленький Старательный Веер уже решил сдаться, – кто-то поблизости от него спросил:

– Откуда это идет такая приятная прохлада?

– От моего веера! – слышалось в ответ, и тогда Маленький Старательный Веер сдаваться не стал, а, наоборот, приободрился и ещё приналёг на крылышки: кажется, у него всё-таки что-то получалось! Ему самому было невыносимо жарко, но он постарался не думать об этом, а принялся, наоборот, думать о Северном полюсе... о ледяном безмолвии, бескрайних снегах и прекрасном северном сиянии.

...когда Маленький Старательный Веер опомнился, то увидел, что вокруг собираются отдыхающие. Нежась под легкими струями ветерка, который он сотворял, люди с благодарностью смотрели на него, удивляясь тому, как такой малыш мог давать *столько* прохлады.

А малыш поднажал ещё немножко и опять унёсся мыслями на Крайний Север. По Крайнему Северу разгуливали олени, бегали песцы и сновали из юрты в юрту одетые в меха

эскимосы.

В следующий раз он очнулся оттого, что неподалёку кто-то чихнул. Бросив взгляд в сторону чихнувшего, Маленький Старательный Веер услышал:

– Тут совершенно невыносимый сквозняк. Давай-ка поменяем место.

Маленькому Старательному Вееру было недосуг думать о таких пустяках, как сквозняк, – и, изнемогая от усталости, он постарался, по крайней мере, сохранить ту скорость, которой достиг, но неожиданно у него открылось второе дыхание. А когда у нас открывается второе дыхание, нас подчас просто не удержать.

Крылышки Маленького Старательного Веера замелькали с такой быстротой, что он не только не видел и не слышал ничего... его самого-то уже перестало быть видно! Между тем у отдыхающих давно уже зуб на зуб не попадал – и некоторые из них даже принялись натягивать на себя все, что нашлось под рукой: пляжные халаты и полотенца, пляжные шляпы и шлепанцы... Если бы Маленький Старательный Веер видел это, он бы, может быть, о чём-нибудь и задумался, но он, как уже сказано, ничего не видел, а значит, и не задумывался.

Ледяным ветром пригнало на пляж тяжёлые тёмные тучи, которые принесли с собой дождь. Спрятавшись под грибка-ми, отдыхающие жались друг к другу и смотрели на огромные пузыри в лужах на песке. А когда спустя немного времени над пляжем пошел снег и море начало затягиваться то-

ленькой корочкой льда, отдыхающие в панике стали покидать пляж – надо же было уйти задолго до того, как на песке образуются снежные сугробы! По пути отдыхающие разражались проклятиями в адрес ледяной стужи, но и этих проклятий не слышал Маленький Старательный Веер, всё убыстряя и убыстряя скорость своих крылышек под стремительный бег оленьих упряжек с колокольчиками.

Но вдруг, словно сквозь сон, донеслось до него:

– Маленький Старательный Веер, да Вы что, с ума сошли?

Прекратите устраивать зиму в разгар пляжного сезона!

Тут Маленький Старательный Веер огляделся по сторонам и не увидел ничего, кроме снежных сопок на много километров окрест. Он в ужасе остановился на полной скорости – и тепло начало возвращаться в мир. Несколько часов ушло на то, чтобы на пляже стали появляться первые отдыхающие. Они с опаской смотрели на Маленький Старательный Веер и располагались на песке подальше от него.

– Не бойтесь, дорогие отдыхающие! – крикнул им Маленький Старательный Веер.

– Я ведь, правда, не нарочно вам весь отдых испортил... Я просто не рассчитал своих колоссальных сил!

Только отдыхающие всё равно держались на почтительном расстоянии и на всякий случай строили вокруг себя высокие заграждения из песка.

НИКОМУ НЕИЗВЕСТНАЯ БУКАШКА ИЗУМРУДНОГО ЦВЕТА

В этом сезоне в лесу был необыкновенно популярен Орешник: все просто с ума от него сходили. А вот почему – трудно сказать... Да в таких вещах и вообще-то ничего не поймёшь: в одно прекрасное утро вдруг становится ни с того ни с сего необыкновенно популярным какой-нибудь орешник... поглядишь на него – орешник орешником, а вот надо же такому быть: необыкновенно популярен! И хоть ты тут лоб расшиби, а он стоит посреди леса – весь из себя необыкновенно популярный – и дает интервью каким-нибудь журналистам. А на следующее утро во всех газетах можно прочитать:

Орешник считает...

Орешник полагает...

Орешник сказал...

Вот Орешник и сказал:

– В последнее время около меня вьётся столько всякой дряни!

И все, кто в последнее время вились вокруг Орешника, ужасно обиделись. Понятно, на что: ведь именно они – те, кто вились около него в последнее время, – сделали его та-

ким необыкновенно популярным. Но об этом Орешник как-то не подумал, а просто сказал не подумавши. Сказал – и принялся молчать что было сил.

Между тем все, кто вились вокруг него в последнее время, тоже принялись молчать, размышляя о том, имел ли он в виду каждого из них или только некоторых. И лишь одна Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета заметила вслух:

– Пожалуй, действительно не стоит нам тут виться. Чем больше мы вьёмся, тем популярнее он становится.

– Кто это там даёт глупые советы? – усталым от популярности голосом спросил Орешник, даже не потрудившись бросить взгляд на Никому Неизвестную Букашку Изумрудного Цвета.

– Это я, Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета, – был ответ.

– А Вы, вообще-то, существуете? – с подозрением спросил Орешник.

– Как мне понимать Ваш вопрос? – озадачилась Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета. – Если бы меня не существовало, со мной было бы невозможно разговаривать...

– Для меня нет ничего невозможного! – сразу же поставил её на место Орешник. – А вот что касается Вашего существования... так тут всё очень небесспорно. Если Вы, например, меня спросите о том, существуете ли Вы, то я отве-

чу со всей определённо­стью: нет, Вы не существуете.

– Это странно слышать... – призналась Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета, *явно* существовавшая! – А почему, собственно, Вы так ответите со всей определённо­стью?

– Да потому, – зевнул Орешник, – что существуют только те, о ком говорят. Вот взять хоть меня... – я действительно существую: про меня все кругом только и говорят. Я необык­новенно популярен. Почитайте газеты! Что же касается тех, о ком не говорят, то они и не существуют.

– Я этого не знала... – огорчилась Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета и немедленно впала в задумчи­вость.

– У Вас и имя такое, – как ни в чем не бывало продол­жал Орешник, – Никому Неизвестная Букашка Изумрудно­го Цвета. Ни-ко-му Не-из-вест-на-я... – так ведь без причин не назовут!

– Не назовут, – вздохнула Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета.

Некоторое время она обиженно сопела, но потом восклик­нула:

– А зачем тогда меня называют «Изумрудного Цвета»? Если меня так называют, значит, меня кто-то видел! И, стало быть, я существую!

– Ну, как Вам сказать... – Голос у Орешника был уже та­ким утомлённым, словно он только что вернулся с тяжёлой

работы. – Это надо просто выбросить из головы. Да и Вас тоже надо просто выбросить из головы.

Тут Орешник тряхнул головой и выбросил из неё Никому Неизвестную Букашку Изумрудного Цвета, а та совсем отчаялась и расплакалась – да так горько, что Орешник скривился от этой горечи.

Но едва только она расплакалась, как поблизости от неё послышался голос Лесника:

– Кто это там так горько плачет?

– Это я, Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета, – беспрестанно всхлипывая, отозвалась та.

– И о чём же Вы плачете? – спросил Лесник.

– Меня не существует, – призналась она. – Меня не существует, потому что обо мне никто не говорит... И меня надо просто вы бросить из головы.

– Какая чепуха! – сказал Лесник и погладил Никому Неизвестную Букашку Изумрудного Цвета по спинке. – Все, кто плачут, – существуют. И никого из тех, кто плачет, нельзя выбрасывать из головы.

Тут он достал из кармана дневник и шариковую ручку и записал под сегодняшним числом:

«Четырнадцать часов двадцать минут. Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета плакала вблизи Орешника. Была утешена мною».

А потом помахал Никому Неизвестной Букашке Изумрудного Цвета рукой и решительными шагами отправился даль-

ше.

А Никому Неизвестная Букашка Изумрудного Цвета полетела к Орешнику и доложила:

– Я плачу– значит, я существую! Так сказал Лесник.

Произнеся это, она вытерла слёзы и радостно полетела существовать дальше.

А Орешник пожал плечами и подумал о том, сколько всё-таки всякой дряни вьётся вокруг него в последнее время. И опять стал стоять посреди леса – весь из себя необыкновенно популярный. Правда, несколько минут спустя он – просто так, без всякой цели – попытался заплакать... но у него почему-то ничего не получилось.

РАЗВОДНОЙ МОСТ

Проплывайте скорее, не то я сейчас разобью Вам нос, – сказал Разводной Мост горделиво плывущему под ним Речному Теплоходу.

– Это ещё чего ради? – Речной Теплоход сразу надулся, словно был не теплоход, а парусник. (Речной Теплоход вёз пассажиров и никак не хотел показать им, что он, такой огромный и величавый, может находиться в зависимости от кого бы то ни было – даже и от самого Разводного Моста.)

– Того ради, – проворчал Разводной Мост, – что времени уже десять часов пятьдесят девять минут. А ровно в одиннадцать я должен опустить обе створки и стать пригодным для проезда и прохода граждан.

– Подумаешь! – сказал Речной Теплоход громко, чтобы услышали пассажиры. – Каких-то жалких секунд можно было бы и не принимать в расчёт.

А ведь Речной Теплоход хорошо понимал, что ему следовало поостеречься так говорить... Разводной Мост славился своей пунктуальностью. У него даже поговорка была: «Точность – вежливость разводных мостов», – и все в городе её хорошо знали. Потому-то шуток с Разводным Мостом не шутили: были уверены – что бы ни случилось, ровно в десять утра он поднимет обе свои створки к небу, а ровно в одиннадцать опустит их. И поступать именно так, а не иначе, будет

четыре раза в сутки – стало быть, к этому надо просто привыкнуть, как привыкают, например, ко времени открытия и закрытия булочной или ко времени отправления самого раннего и прибытия самого позднего поезда. Хотя даже поезда, не говоря уж о булочной, с Разводным Мостом ни в какое сравнение не шли. Расписание иногда нарушалось, булочки часто подгорали... ах, да и вообще не было, не было, не было в мире совершенства... за исключением Разводного Моста.

Разводной Мост был совершенство. По нему ставили часы на Городской Башне. По мановению его створок люди ложились спать и вставали по утрам. По мановению его створок начиналась и прекращалась работа в городе. Многие даже думали, что по мановению его створок восходит и заходит Солнце. Однако об этом Разводной Мост не думал: он просто делал свою работу точно в срок и никогда не считал себя совершенством – совершенством его считали другие.

Тем не менее, услышав слова Речного Теплохода, Разводной Мост чуть было не решил на самом деле разбить тому заносчивый нос, да пожалел пассажиров. Хотя проучить Речной Теплоход стоило, уж слишком он был самовлюблённым: только и делал, что любовался своим отражением в реке, а потому всегда опаздывал и едва успевал проскочить под Разводным Мостом в последнюю минуту перед тем, как тот опускал створки. Разводной Мост терпеть не мог Речной Теплоход за такие фокусы. Но терпел. И опускал створки ровно в одиннадцать, когда Речной Теплоход, запыхавшись,

всякий раз удачно ускользывал-таки от обрушивающейся на него железной массы. Ибо точность – вежливость разводных мостов.

Впрочем, к вечеру Разводной Мост уже забыл о неприятном разговоре: близилось время поднимать створки, а в таких случаях ему требовался особый настрой – и он уже было начал его в себе создавать, как вдруг услышал совсем тоненький голосок:

– Прошу прощения, я успею проползти по Вам до того, как Вы разведёте створки? Мне очень нужно на ту сторону, у меня там дети.

Разводной Мост даже не увидел того, кто это говорит.

– Говорит Червяк! – радиоголосом отчитались ему. – Московское время десять часов двадцать минут.

– Я поднимаю створки в одиннадцать ноль-ноль, – предупредил Разводной Мост и поинтересовался: – А с какой скоростью Вы обычно ползёте?

– С небольшой, – задумчиво произнёс Червяк и раскаялся: – К сожалению, я никогда не делал замеров...

– Какого возраста дети? – деловито спросил Разводной Мост.

– Пятый день пошёл, – сказал Червяк с тоской.

– Ползите! – сдался Разводной Мост и насупился.

...за двадцать минут не было преодолено и четверти пути.

Весь город собрался на берегу реки, чтобы посмотреть, как бесстрашный Червяк станет бороться за свою жизнь. Пото-

му что жизнь его была в опасности. Окажись он между створок в одиннадцать ноль-ноль, пунктуальный Разводной Мост разорвёт его на две части... равные или неравные – в зависимости от скорости проползания. А всё шло именно к тому, что там, между створками, Червяк в одиннадцать ноль-ноль как раз и окажется.

Разводной Мост молчал и думал.

Собравшиеся у реки закусили губы и смотрели на секундомеры, которые для такого случая приобрели в спортивном магазине. По истечении получаса измученный Червяк преодолел две трети пути.

Разводной Мост молчал и думал.

В одиннадцать ноль-ноль ровно одна половинка червяка лежала на одной, а вторая – на другой створке Разводного Моста. Часы на Городской Башне почти прорыдали одиннадцать ударов. Червяк был обречён – и не только он сам стал прощаться со своей жизнью, но и все остальные стали прощаться с его жизнью.

Разводной Мост молчал и думал.

– Разводите створки! – прошептал Червяк, но слова эти услышал весь город. – Я больше не могу ползти. У меня кончились все силы.

– Ползи! – только и сказал Разводной Мост, стиснув створки так, что они скрипнули. – Ползи, чтоб тебя!

И Червяк переполз на другую сторону Разводного Моста. Это заняло у него целых четыре минуты.

В одиннадцать ноль-четыре створки моста поднялись вверх, давая дорогу разгневанным морским и речным судам, стоявшим в длинной очереди. Разводной Мост тяжело дышал и смущённо смотрел в воду, а Червяк, отдуваясь и теперь уже не спеша, полз по наклонной плоскости второй створки.

И вдруг на берегу раздались аплодисменты. Люди хлопали в ладоши и кричали: «Браво!» А одна маленькая девочка даже подошла к Разводному Мосту и поцеловала его прямо в железо.

Но самым замечательным было то, что с этого дня репутация Разводного Моста как самого пунктуального в мире не пошатнулась, а, наоборот, ещё больше упрочилась.

ОДИН ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ САЛЮТ

Салюты ведь тоже разные бывают... этот, во всяком случае, был Очень Большой Салют. А был он такой потому, что давали его в честь самого важного праздника в году. Салюты всегда дают *в честь*... а просто так никогда не дают. Я уж и не помню, какой праздник был тогда самым важным, потому что праздники тоже ведь меняются! Только к празднику привыкнешь, а его взяли да и отменили! И вместо праздника – на тебе, обычный будний день без всякого салюта... *так* грустно тоже бывает.

Но у Очень Большого Салюта случилась счастливая судьба: его праздник не отменили. И за неделю не отменили, и накануне не отменили, и утром того же дня не отменили. И все праздновали праздник весь день и знали, что поздно вечером будет Очень Большой Салют. И он был.

Даже небо для такого случая особенно рано потемнело: салюты ведь всегда только на тёмном небе происходят. Чем темнее небо – тем лучше салют, это закон. И вот по тёмному небу пролетела ракета – как знак того, что Очень Большой Салют начинается. Ровно в девять часов вечера Очень Большой Салют наконец расцвёл на небе: салюты всегда расцветают на небе *ровно* во сколько-нибудь.

– Баба-а-ах!

– Кто это сказал «баба-а-ах»? – спросила одна Пятилетняя Красавица и приготовилась плакать от страха, потому что такой «баба-а-ах» ей как-то не понравился.

– Это Очень Большой Салют сказал «баба-а-ах», – поспешили объяснить ей, и Пятилетняя Красавица задумалась.

А Очень Большой Салют, бабахнув ещё пять или шесть раз, разошёлся по всему тёмному небу и начал выделять чудеса. Замелькали во все стороны разноцветные вспышки – звёзды, полосы, дуги, спирали, пучки... И всё это перекрестилось, перехлестнулось, переплелось, перелилось друг в друга, перемешалось – пока Огромное Сияние целиком не охватило тёмное небо. И пропало тёмное небо... только разноцветное пламя в вышине отплясывало свой буйный гротескный танец.

– Ну вот что, дорогой Очень Большой Салют... – сказала Пятилетняя Красавица, осторожно выглянув из-за занавески (кто его знает, этот Очень Большой Салют... чего от него ждать!). – Я уже довольно долго слушаю Ваше «баба-а-ах» – и, кажется, скоро окончательно испугаюсь. А когда я пугаюсь, особенно если окончательно, то начинаю плакать – и тогда уже никому меня не остановить.

– Но я не могу не делать «баба-а-ах», дорогая Пятилетняя Красавица... при всем моём к Вам уважении! – отозвался Очень Большой Салют.

– Почему? – уже совсем почти начав плакать, спросила

Пятилетняя Красавица.

– Потому что без «баба-а-ах» Очень Большого Салюта не получится.

– А нам зачем такой *Очень* Большой Салют? – глотая слёзы, опять спросила Пятилетняя Красавица.

– Ну, как же... – растерялся Очень Большой Салют. – Сегодня же самый важный праздник, а самый важный праздник всегда встречают *Очень* Большим Салютом. Поэтому придется выбирать: или *Очень* Большой Салют с «баба-а-ах»... или никакого «баба-а-ах», но тогда и никакого *Очень* Большого Салюта. А это значит, что все люди, которые пришли посмотреть на звёзды, полосы, дуги, спирали и пучки, должны отправляться домой и там грустить.

Пятилетняя Красавица снова задумалась и сказала:

– Нет уж, Очень Большой Салют. Я не хочу, чтобы все люди, которые пришли посмотреть на звёзды, полосы, дуги, спирали и пучки, отправлялись домой и там грустили. Тем более что и мне самой эти звёзды, полосы, дуги, спирали и пучки очень нравятся. Я лучше потерплю бояться «баба-а-ах» и *пока* постараюсь не плакать.

– Спасибо, – растроганно сказал Очень Большой Салют и опять принялся выделывать чудеса... да почище прежнего! Света на небе стало столько, что весь город был виден как днём! И даже лучше, чем днём, потому что он сделался таким разноцветным, каким днём и не бывает.

Пятилетняя Красавица, соблюдая все правила предосто-

рожности, смотрела на Очень Большой Салют из-за занавески и крепилась как могла... причем ни одной слезинки не упало с её светлых ресничек – даже когда совсем последний, грандиозный «баба-а-ах» разорвал небо. В этот момент Пятилетняя Красавица закрыла глаза и решила, что сейчас умрёт от страха. Но «баба-а-ах» оказался действительно совсем последний «баба-а-ах»... – и в городе наступила тишина.

Тогда, посмотрев в небо, Пятилетняя Красавица вздохнула и вдруг заметила, что последняя золотая искорка Очень Большого Салюта летит в сторону её дома. Пятилетняя Красавица раскрыла ладошку – искорка осторожно опустилась туда. Она была тёплой и немножко пахла дымом.

– Спокойной ночи! – услышала Пятилетняя Красавица издалека голос Очень Большого Салюта. – А это Вам маленький подарок за мужество.

Пятилетняя Красавица изо всех сил стиснула искорку в руке и крикнула, высунувшись в окно:

– Когда Вы придёте опять?

Но Очень Большой Салют ушёл уже так далеко, что голос его почти не был слышен. Хотя что-то он всё-таки оттуда вроде бы прокричал в ответ – и Пятилетней Красавице показалось, что это было довольно сильно похоже на «совсем скоро».

ВОДОСТОЧНАЯ ТРУБА, ИСПОЛНЯВШАЯ ФУГУ

Фуга – ужасно трудное музыкальное произведение. Сыграть его может только мастер. Потому что на самом деле фуга – это такая музыкальная выюга: кружится себе на месте, всё набирая и набирая обороты... и вот уже скоро её совсем не удержать. Хотя мастер-то, конечно, удержит: на то он и мастер.

Но мы с вами пока поговорим о Водосточной Трубе. Увы, не о Музыкальной Трубе – ей нету места в нашей сказке. Потому что всё место в нашей сказке занимает Водосточная Труба, а водосточная труба, как известно, не самый миниатюрный предмет в мире...

Итак, Водосточная Труба... Она висела на доме и служила для стока воды. И когда кто-нибудь из прохожих приветствовал её и говорил: «Ну, что поделываем?» – Водосточная Труба без долгих размышлений отчитывалась: «Служим для стока воды». И прохожие уходили успокоенные, поскольку это означало, что в мире полный порядок и все занимаются своими делами.

Надо сказать, что на службе этой Водосточная Труба состояла уже довольно долго – лет, пожалуй, тридцать, а тридцать лет для водосточных труб – глубокая старость. Так что

Водосточной Трубе давно полагалось на пенсию, куда она в конце концов и собралась, – причём проводы её решили обставить как нельзя более празднично. И обставили. Гостей и цветов возле дома было – пруд пруди, а Городской Глава даже сказал трогательную речь, которую закончил такими словами:

– ...потому что служить для стока воды было её призванием.

Это он, конечно, Водосточную Трубу в виду имел. Гости положили цветы на землю и захлопали, а Водосточная Труба сказала:

– И вовсе нет. Служить для стока воды было моей работой. А призвание моё – музыка.

Гости на всякий случай перестали хлопать и – тоже на всякий случай – подняли цветы с земли и прижали их к груди. Они не знали, как вести себя в такой ситуации. И Городской Глава тоже не знал. А Водосточная Труба продолжала:

– К сегодняшнему празднику я приготовила для вас фугу, которую и хочу сейчас исполнить. Только спешу уточнить – просто напоминаю: я водосточная труба, а не музыкальный инструмент... Поэтому не надо ждать, что моё исполнение будет совершенным. Но я попытаюсь вложить в него всю мою душу – и я уверена, что вы получите большое наслаждение.

– Может быть, лучше не надо? – осторожно, но очень твёрдо спросил Городской Глава: он испугался за свои барабанные перепонки.

– Действительно... может быть, лучше не надо? – повторили вслед за ним гости: их барабанные перепонки были ничуть некрепче.

А жители дома, на котором висела Водосточная Труба, наблюдавшие за празднеством из окон, немедленно позахлопывали все окна... и кое-кто даже задёрнул гардины.

– Я хорошо подготовилась, – сказала в своё оправдание Водосточная Труба – и всем стало непонятно, собирается она всё-таки ещё исполнять фугу или уже нет...

– Вы... простите за любопытство, когда-нибудь, вообще-то, пробовали это раньше – исполнять музыкальное произведение? – смягчившись, поинтересовался Городской Глава.

– Да... может быть, Вы когда-нибудь пробовали это раньше? – повторили вслед за ним гости.

– Нет, никогда, – простодушно ответила Водосточная Труба, и те жители дома, которые в первый раз не задёрнули гардины, теперь задёрнули их немедленно. – Дело в том, что я всегда служила для стока воды...

– Не покажете ли Вы нам лучше пример красивого стока воды? – воодушевленно предложил Городской Глава. – В Вашем исполнении это будет величественное зрелище!

– Величественное зрелище! – повторили вслед за ним гости.

– Нет, я исполню фугу, – решительно сказала Водосточная Труба. – Первый и единственный раз в моей жизни. А на

один раз имеет право каждый.

И без лишних слов приступила к исполнению.

Вступительный звук был душераздирающий.

Городского Главы хватило минуты на три, после этого он стремглав бросился бежать куда попало. Гости тут же побежали вслед за ним, зажимая уши и закатывая глаза к самому небу. К счастью, Водосточная Труба не видела этого: она играла словно в беспамятстве. А когда закончила и огляделась вокруг себя, то не увидела никого, кроме Иоганна Себастьяна Баха.

– Спасибо, – растроганно произнёс Иоганн Себастьян Бах и погладил трубу по алюминиевой поверхности.

– Как Вы смогли это выдержать? – опешила Водосточная Труба.

– Это было прекрасно! – ответил он.

Водосточная Труба горько усмехнулась: она не поверила Иоганну Себастьяну Баху. Но тот продолжал:

– Музыкальное произведение, которое исполняется один-единственный раз в жизни, прекрасно всегда!

А что уж он имел в виду, говоря так... Бог его знает.

ПОДТЯЖКИ СО СВЯЗЯМИ

Нельзя сказать, что подтяжки – это самое важное из того, что человек на себя надевает: некоторые подтяжками вообще не пользуются. Только сами подтяжки почему-то обычно считают, что без них ну никак нельзя обойтись... – и даже полагают, будто иначе брюки упадут на землю! Вот подтяжки и норовят убедить всех вокруг, что если кто-то в этом мире и отвечает за правила приличия, так это они, подтяжки. И что нет ничего неприличнее на свете, чем потерять брюки на глазах у всех. «Представьте себе, пожалуйста, господа, – настаивают обычно подтяжки, – делового человека в дорогом костюме, при галстукe и с портфелем: приходит он на какую-нибудь важную встречу, протягивает руку для знакомства, а в этот самый момент с него соскальзывают брюки – и остается он, стыдно сказать... в трусах!...»

Оно, конечно, не очень приятно, дело ясное, да только так уж совсем просто брюки на землю всё же не падают: у любых порядочных брюк пуговицы есть, а иногда даже и молния!

Впрочем, подтяжки ни пуговицам, ни молниям никогда не доверяют. Наши Подтяжки тоже не доверяли.

– Подумаешь, пуговицы, подумаешь, молнии... – говорили они. – Пуговицы оторваться могут, а молнию часто заклинивает! Вот и получается, что на самом-то деле нет ничего важнее подтяжек.

И с ними соглашались... Ходили даже слухи, что это не просто Подтяжки, а Подтяжки-со-Связями. Кто и когда пустил такие слухи, неизвестно, но, в конце концов, все этим слухам поверили – и многие даже стали побаиваться Подтяжек... Подтяжек-со-Связями!

Ведь если о ком-нибудь говорят «со связями», дело, значит, нешуточное... Дело, значит, такое, что и вправду важная персона перед нами... персона, знакомая с другими важными персонами.

С какими такими важными персонами были знакомы наши Подтяжки, Подтяжки-со-Связями, оставалось только гадать. Может, с министрами, может, с дипломатами, может, с директорами какими-нибудь... Только вели они себя так, словно были знакомы со всеми сразу – и с министрами, и с дипломатами, и с директорами! И со многими другими.

Когда, например, Цепочка-от-Часов пожаловалась, что у неё от постоянного качания всё перед глазами плывет, Подтяжки-со-Связями тут же сказали:

– Не волнуйтесь, Мы свяжемся с кем следует и замолвим за Вас словечко, чтобы Вас на другую должность перевели.

– На какую это другую? – с опаской спросила Цепочка-от-Часов.

– Ну... например, на должность Цепочки-для-Кулона. Ей столько качаться не приходится: она лежит себе вокруг шеи и в ус не дует.

И Цепочка-от-Часов начала мечтать о новой должности,

да только всё впустую: дни шли за днями, а кулона на неё никакого так и не вешали. Но когда Цепочка-от-Часов в отчаянии спросила у Подтяжек-со-Связями, скоро ли ей приступить к новой должности, те возмутились:

– Ну можно ли быть такой нетерпеливой, Цепочка-от-Часов! Вашим вопросом сейчас как раз занимаются. Не надо думать, будто это так просто – получить повышение! Мы используем все Наши связи, чтобы улучшить Вашу жизнь, а Вы, неблагодарная, Нас же ещё и торопите! Нам же не только Вам помогать приходится, но и многим другим...

В этом была доля правды. Подтяжки-со-Связями почти каждому чего-нибудь наобещали: Шёлковой Бабочке – что отпустят её на свободу в леса и поля, чтобы ей не сидеть неподвижно на шее все время, Заколке-для-Галстука – что поднимется она по служебной лестнице и станет Заколкой-для-Шляпы, Стальным Наручным Часам – что назначат их Золотыми Наручными Часами, а Замку-от-Портфеля – что похлопочут для него о вакансии Замка-от-Сейфа... И все терпеливо ждали... да только вот перемен никаких не происходило.

– Терпение, друзья! – то и дело утомлённо говорили Подтяжки-со-Связями. – Нам столько всего организовать надо, что просто хоть лопни! Вы думаете, это так просто – вершить судьбы? У Нас, конечно, связей больше чем достаточно, да ведь и свою работу ещё делать надо – брюки держать... они, мерзавцы, так и норовят на землю соскользнуть, за ними глаз

да глаз нужен. Отвлекись на секундочку – уже лежат на земле да ухмыляются! И никакие правила приличия им неведомы.

Несмотря на то что никто и никогда не видел брюки лежащими на земле, все, тем не менее, были исполнены уважения к работе Подтяжек-со-Связями. Ещё бы: правила приличия – вещь серьёзная!

А в один прекрасный день Подтяжки-со-Связями сказали: – Ну, вот что, друзья. У Нас есть кое-какие связи... там, – Подтяжки-со-Связями многозначительно указали на небо, – и Мы решили, что настала пора похлопотать о том, чтобы Нам дали добро на переселение вас всех поближе к Господу Богу. Хватит вам здесь, на Земле, ошиваться да мечтать о маленьких повышениях в должности! Переселим-ка Мы вас всех прямо на небо.

– Как же это может у Вас получиться? – затаив дыхание, спросила Шёлковая Бабочка.

– Во-первых, есть у Нас кое-какие связи, – охотно повторили Подтяжки-со-Связями, – а во-вторых, Мы и сами можем поднапрячься и подтянуть вас туда.

Тут Подтяжки-со-Связями напряглись как могли – и, держась застежками за брюки, начали подтягивать всё сооружение – вместе с человеком – к небесам... Раздался оглушительный треск – и Подтяжки-со-Связями лопнули... безжизненно повиснув где-то у самых ботинок. Брюки, конечно, не упали на землю: им хватило пуговиц и молнии, чтобы удержаться вокруг бёдер. А Подтяжки хотели связать... да ниче-

го не получилось...

Вскоре на брюках вокруг пояса появился замечательный Кожаный Ремень. Он радостно поприветствовал новых знакомых, но те в ответ на его приветствие только тяжело вздохнули: для них это был ужасный день, потому что вместе с подтяжками лопнули сразу все их мечты... О том, что это были пустые мечты, они, конечно же, ничего не знали.

РАССЕЯННЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Вообще говоря, когда кому-нибудь посылают воздушный поцелуй, поцелуй этот долетает довольно быстро, потому что воздушный поцелуй – самый лёгкий поцелуй из всех поцелуев на свете. Он легче перышка – и одного слабого дуновения ветерка достаточно, чтобы в мгновение ока перенести такой воздушный поцелуй, например, с одной стороны улицы на другую. Но это, понятное дело, если воздушный поцелуй по дороге ни на что не отвлекается.

Тот Воздушный Поцелуй, который был выбран из других воздушных поцелуев для нашей с вами истории, не отвлекаться не умел – он, в сущности, только и делал, что отвлекался. А послали его с балкона одного дома на балкон другого дома, причём практически через весь город. Это, конечно, было довольно неосмотрительно – посылать через весь город *такой* Воздушный Поцелуй... который только и делал, что отвлекался! Но, видимо, другого воздушного поцелуя не нашлось под рукой.

Перво-наперво Воздушный Поцелуй осмотрелся в воздухе, а это как раз то, чего воздушным поцелуям делать вообще не рекомендуется. Ну и, конечно, внимание его привлекло множество разных забавных вещей. Прежде всего – трепе-

тавшее лишь в каком-нибудь метре-полтора от него разноцветное шёлковое полотнище. Воздушный Поцелуй с осторожностью приблизился к нему и поздоровался:

– Добрый день, я Воздушный Поцелуй.

– Очень приятно, – сказала полотнище и зарделось.

Воздушный Поцелуй подождал с минуту и удивился:

– А почему Вы себя не называете?

– Я думал, Вы обо мне наслышаны, – раздалось в ответ. –

Я Государственный Флаг.

– Ох ты, Боже мой!... – опешил Воздушный Поцелуй: он никак не ожидал залететь так высоко.

– А Вы, что же... *мне* посланы? – поторопился спросить

Государственный Флаг, становясь пунцовее некуда.

– Почему Вы решили, что Вам? – снова удивился Воздушный Поцелуй.

– Да потому, что, кроме меня, поблизости никого нет... – объяснил Государственный Флаг. – Однако Вы удивились так, словно мне и воздушного поцелуя послать никто не может!

– А кто, например, может? – поинтересовался Воздушный Поцелуй.

– Во-первых, народ... – торжественно начал Государственный Флаг и торжественно же продолжил: – Или правительство страны. Или правительство другой какой-нибудь страны...

Воздушный Поцелуй вздохнул и сказал:

– Нет... я не от народа... и не от правительства, – и поспешно полетел дальше.

Но уже через минуту он чуть не столкнулся с высоченным памятником Усатому Полководцу. Усатый Полководец сразу охотно подставил щёку, а Воздушный Поцелуй смутился.

– Не смущайся! – ободрил его Усатый Полководец. – Расскажи лучше, кто тебя послал.

– Это военная тайна, – нашёлся Воздушный Поцелуй. – И, между прочим, я послан не Вам.

– Не мне? – оторопел Усатый Полководец – и можно было подумать, что все воздушные поцелуи на свете всегда предназначались только ему.

– Вы же каменный, – напомнил Воздушный Поцелуй. – А каменным воздушные поцелуи не нужны.

– Воздушные поцелуи нужны всем, – не согласился Усатый Полководец и хотел было тяжело вздохнуть, но внезапно вспомнил, кто он, и вместо этого отдал приказ: – Следуйте по назначению!

Так Воздушный Поцелуй и поступил – тем более что разговаривать с Усатым Полководцем ему всё равно не очень хотелось. Однако совсем уж по назначению полететь ему не удалось, поскольку на пути возникло высокое дерево.

– Я Воздушный Поцелуй, предназначенный не Вам, – сразу сказал Воздушный Поцелуй, чтобы не возникло никаких недоразумений.

– А я Магнолия, – представилось высокое дерево и, вни-

мательно осмотрев Воздушный Поцелуй, добавило: – Жалко, что не мне! Вы аппетитный.

Тут уж Воздушный Поцелуй просто испугался: «аппетитный» прозвучало так хищно, как будто Магнолия собиралась съесть его. И он, в ужасе озираясь на Магнолию, припустил прямо к балкону, который был теперь совсем близко.

Правда, уже у самого балкона кто-то со всего размаху налетел на него. И оказался этим кем-то встречный Воздушный Поцелуй.

– Поболтаем? – предложил наш Воздушный Поцелуй встречному.

– Ну уж нет, – возмутился тот, – не все же такие, как Вы! Некоторые воздушные поцелуи очень обязательные: куда их послали, туда они и летят. А Вам сейчас, кстати, зададут трёпку, потому что Вас уже целый час дожидаются!

...трёпки Воздушному Поцелую, конечно, не задали, а простили, но при этом сказали: «Прощаем Вас, Воздушный Поцелуй, в последний раз! Если же Вы и впредь будете так долго добираться, то Вас уже больше никогда посылать не будут!»

И, говорят, урок этот так сильно подействовал на Воздушный Поцелуй, что отныне он всегда долетал от одного балкона до другого за одну секунду! Ну, максимум – за полторы.

ЛЁГКОЕ ОБЛАЧКО ПЕНЫ

Речь у нас пойдёт о стакане ледяного лимонада в жаркий день... а что, очень приятная тема! Только какой же стакан ледяного лимонада в жаркий день без лёгкого облачка пены над ним?...

Стало быть, разрешите вам представить: Лёгкое Облачко Пены.

Я так спешу представить его потому, что Лёгкое Облачко Пены имеет обыкновение таять, то есть исчезать без следа. Глазом моргнуть не успеешь, как его уже и нет... только что с ним поздоровался: здра-а-авствуйте, дескать, дорогое Лёгкое Облачко Пены... – как уже прощаться пора: до свиданья, нет, прощайте навсегда-а-а-а, дорогое Лёгкое Облачко Пены! Очень всё-таки у него жизнь короткая – короче не придумаешь.

Правда, если совсем быстро схватить стакан лимонада из рук продавщицы и тут же начать пить, то можно успеть сохранить часть Лёгкого Облачка Пены в виде таких смешных белых усов над верхней губой – и тогда ты некоторое время походишь на дедушку: все вокруг даже начинают удивляться, как быстро человек состарился! Но уже через несколько секунд усы пропадают сами собой – и все вокруг понимают, что никакой ты не дедушка, а всего-навсего маленький мальчик.

Между прочим, я был знаком с одним Лёгким Облачком Пены, с которым приключилась удивительная история. А всё из-за случайного порыва ветра: хотите верьте, хотите нет, но бывают на свете такие случайные порывы ветра, которые возникают совершенно внезапно. В середине невыносимо жаркого безветренного дня возьмёт да подует откуда-то сбоку – и длится такое дуновение только один миг... многие его даже не замечают. Зато некоторые замечают очень хорошо: именно потому даже в самые жаркие дни случаются простуды... а потом все начинают гадать: как же можно было простудиться в такой жаркий день? Но всему виной – какой-нибудь случайный порыв ветра.

В нашей истории Случайный Порыв Ветра никого не простудил. Дело и вообще было совсем не в этом...

Лёгкое Облачко Пены едва только образовалось над стаканом ледяного лимонада в жаркий день и хотело немедленно начинать таять, и уже сказало всем: «Я та-а-аю», – как вдруг – «Разрешите с Вами познакомиться?»

Лёгкое Облачко Пены настолько удивилось, что даже забыло продолжать таять и замерло над стаканом ледяного лимонада в полном недоумении: оно никак не ожидало, что кто-то может успеть познакомиться с ним... при такой-то его короткой жизни! Но, разумеется, ответило:

– Конечно, разрешаю – причём с большим удовольствием... только если Вы это успеете, потому что я как раз, видите ли, таю...

– Я, вообще-то, и сам ненадолго, – признался Случайный Порыв Ветра и пообещал: – Но я успею. – И сказал, кто он.

Тогда Лёгкое Облачко Пены тоже назвалось в ответ. Так они и познакомились.

– Мне почему-то очень не хочется, чтобы Вы таяли, – тихо произнёс Случайный Порыв Ветра.

Лёгкое Облачко Пены минутку подумало, но так и не придумало, чем его утешить, и прошептало:

– Я всё равно растаю... потому что тут очень жарко. В такую жару всем лёгким облачкам пены положено таять.

– А если я подниму Вас высоко над землей – туда, где прохладно? – спросил Случайный Порыв Ветра.

– Тогда... тогда я не знаю, – немножко смутилось Лёгкое Облачко Пены. – Но если Вы поднимете меня *очень* высоко, мне кажется, я не растаю! Можно, конечно, попробовать...

Тут Случайный Порыв Ветра подхватил Лёгкое Облачко Пены – и сразу же раздался взволнованный крик маленького мальчика:

– Ой, смотрите, смотрите: у меня вся пена со стакана слетела!...

А Лёгкое Облачко Пены уже поднималось всё выше и выше над землёй. Там, высоко над землёй, были другие облака, которые с удивлением смотрели на Лёгкое Облачко Пены и говорили между собой: какое, дескать, необычное облачко... мы таких никогда прежде не видели!

Что же касается Лёгкого Облачка Пены, то оно в небе-

сах неожиданно начало увеличиваться и синеть – и прямо на глазах превратилось в большую синюю тучу, а потом ударил гром и начался лимонадный дождь.

То-то было радости в городе! Люди внизу, на земле, подставляли под дождь стаканы и бокалы – ив них проливался ледяной лимонад, который тут же выпивали, после чего опять подставляли под дождь стаканы и бокалы. И небесный лимонад так пенился, что у каждого над верхней губой сразу же образовывались белые усы – некоторое время даже казалось, что в городе живут одни дедушки! Конечно, усы довольно скоро пропадали сами собой – и тогда становилось видно, что это никакие не дедушки, а обычные люди.

Маленький же мальчик, со стакана которого слетело Лёгкое Облачко Пены, ужасно радовался, что смог напоить лимонадом целый город, и всем рассказывал:

– Мне дали стакан лимонада, а Лёгкое Облачко Пены с него ка-а-ак слетит! И ка-а-ак поднимется в небо! И ка-а-ак полъётся лимонадный дождь!...

И все его просили, чтобы он ещё раз так сделал, но – увы... над каждым стаканом ледяного лимонада в жаркий день бывает *одно и только* одно лёгкое облачко пены. Да и случайные порывы ветра, честно сказать, в жару случаются крайне редко...

ГЛУПЫЙ БЕЗЫМЯННЫЙ ПОБЕГ

Конечно, на первый взгляд это может показаться романтическим – вырасти на железной дороге... именно так оно и показалось Безымянному Побегу, в один прекрасный день обнаружившему, что он пророс между шпал.

– Вот повезло-то, – вслух подумал он, – теперь я со всеми поездами перезнакомлюсь и передружусь!

– Перезнакомишься – это уж точно, – ответил ему какой-то Чахлый Стебель поблизости, – а вот насчёт передружиться... Ложись!

Безымянный Побег и глазом моргнуть не успел, как Чахлый Стебель уже припал к земле – и, видимо, вовремя: над головами у них пронёсся Скорый Поезд.

– Скорый Поезд Номер Сто Пятьдесят, – представился он на ходу.

– Очень приятно, Безымянный Побег, – представился в ответ Безымянный Побег и хотел было спросить, куда же направляется Скорый Поезд Номер Сто Пятьдесят, но не успел.

– И не успеешь, – распрямляясь, сказал Чахлый Стебель, – они всегда ужасно спешат, эти скорые поезда...

– А зачем я должен был ложиться? – поинтересовался Безымянный Побег.

– Привыкать надо, – ответил Чахлый Стебель. – Не бу-

дешь ложиться – не вырастешь.

Безымянный Побег не понял, что имел в виду Чахлый Стебель, но спрашивать не стал: он пока был совсем маленький – и думать о том времени, когда он вырастет, было ещё рано.

Между тем дни летели даже быстрее, чем скорые поезда. Безымянный Побег давно уже успел перезнакомиться со всеми этими поездами – и даже знал, когда тот или иной возникнет на горизонте. Ложиться при их появлении он так и не научился, за что Чахлый Стебель то и дело ворчал на него, полагая, что вот-вот настанет время, когда учиться будет поздно.

И время такое настало. В очередной раз пролетая над Безымянным Побегом, Скорый Поезд Номер Шестьдесят Шесть со всего размаху отхватил ему макушку и, даже не извинившись, помчался дальше.

– Эй-эй! – крикнул вслед Безымянный Побег и хотел объяснить, что так, вообще-то говоря, не годится между друзьями, да Скорого Поезда Номер Шестьдесят Шесть уже и след простыл.

– Я же говорил тебе: не будешь ложиться – не вырастешь! – напомнил Чахлый Стебель, распрямляясь и оказываясь на целую голову выше Безымянного Побега. И тут только Безымянному Побегу стал понятен смысл этих слов.

Конечно же, Чахлый Стебель оказался прав. Видимо, и в самом деле надо было привыкать ложиться при появлении

скорых поездов – и сегодня стало окончательно ясно, что дружба дружбой, а служба службой... Скорые поезда – они ведь на службе и вовсе не должны обращать внимания на такие мелочи, как всякие безымянные побегии на дороге: скорым поездам положено вовремя успевать на станцию назначения... досуг ли им думать о чьих бы то ни было макушках!

Безымянный Побег вздохнул и, обратившись к Чахлому Стеблю, сказал:

– Ну... как там ложатся-то?

– Да вот так, – засуетился Чахлый Стебель и принялся показывать: – Перегибаешься у самого основания и начинаешь стелиться по земле, прижимаясь к ней настолько плотно, насколько можешь.

– А дальше? – подождав ещё каких-нибудь объяснений, спросил Безымянный Побег.

– Дальше... дальше – ничего! Лег и лежи себе. А потом, когда скорый поезд проедет, распрямляйся да улюлюкай ему вслед – до появления следующего скорого поезда! Тут наука простая, только вот привычка нужна.

– И так всю жизнь... ложись и распрямляйся? – с тоской спросил Безымянный Побег.

– Ну, зачем же – всю... Когда наберёшь достаточно сил, можно проползти под рельсом, вылезти на другой стороне железнодорожного полотна и там зажить настоящей жизнью!

Безымянный Побег задумался и объявил:

– Нет, не получится у меня это... ложиться, распрямлять-

ся, под рельсом проползать...

– Ложись! – опять раздалось в ответ...

Но... Скорый Поезд Номер Девяносто опять снёс макушку Безымянного Побега... Так оно с тех пор и повелось: не успевал Безымянный Побег чуть подрасти, как тот или иной скорый поезд оставлял его без макушки.

– Ну, и чего ты добиваешься? – спрашивал Чахлый Стебель уже с другой стороны железнодорожного полотна.

– Не знаю... – честно отвечал Безымянный Побег, но снова распрямлялся во весь рост навстречу каждому следующему скорому поезду... Глупый Безымянный Побег!

Мне неизвестно, добился ли чего-нибудь Безымянный Побег, – думаю, что вряд ли... Наверное, скорые поезда продолжали сносить ему макушку всякий раз, когда он немножко подрастал. Я знаю только, что Безымянный Побег так и не научился ложиться при их появлении, а то, что впоследствии на месте, где он рос, построили железнодорожную станцию и назвали её «Безымянный Побег», – это... это, скорее всего, чистая случайность!

ПРОСТО АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРОЧКА

Как-то совсем уж внезапно взяло вдруг да и подумалось: а почему бы не написать сказку о просто апельсиновой корочке? Причем сказку так и назвать— «Просто Апельсиновая Корочка»! Ведь в мире нет ничего, о чём *не* стоило бы написать сказку, — и в этом смысле Просто Апельсиновая Корочка ничем не хуже других.

Только что ж напишешь об апельсиновой-то корочке... а уж тем более о *Просто* Апельсиновой Корочке? Разве что-нибудь совсем грустное... дескать, апельсин очистили и съели, а корочку выбросили — вот и вся тебе сказка!

— Погодите-погодите, — откликается Просто Апельсиновая Корочка, — сказка ведь ещё даже не начиналась! Сказка ведь начинается там, где от Просто Апельсиновой Корочки остаётся запах, запах дальних стран. А потом...

Широкополая Соломенная Шляпа спланировала с антре-солей на пол: то ли резкий порыв ветра распахнул дверцу под потолком, то ли защёлка, на которую закрывалась эта дверца, внезапно отказалась служить дальше... как бы там ни было, а Широкополая Соломенная Шляпа лежала на полу в прихожей и казалась там совсем неуместной, потому что была зима.

– Ну, и чего пожаловали? – не сказать чтобы очень вежливо поинтересовалась Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке, а Широкополая Соломенная Шляпа сразу смутилась. – Вы ведь понимаете, – продолжала Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке, – что Ваш сезон ещё не настал? Тут у нас пока январь, видите ли...

– Январь? – повторила Широкополая Соломенная Шляпа: этого слова она не знала. – Что такое «январь»?

Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке вздохнула и скучным голосом объяснила:

– Январь – это зимний месяц... если кому-то непонятно.

Присутствующие в прихожей фыркнули, а Широкополая Соломенная Шляпа с недоверием произнесла:

– Никогда не слышала о таком месяце... несмотря на то, что я знаю названия всех месяцев в году. Их четыре: май, июнь, июль и август.

– Четыре! Да их гораздо больше, чем четыре! – рассмеялась Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке. – Просто в остальные месяцы широкополых соломенных шляп не носят...

– Как грустно... – сказала Широкополая Соломенная Шляпа.

– Что ж тут поделаешь... – смягчилась Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке. – Вам, голубушка, ничего не остаётся, как опять запорхнуть к себе на антресоли.

Широкополая Соломенная Шляпа смерила взглядом расстояние до антресолей и вздохнула:

– Теперь уж мне туда не запорхнуть... Ой, привет! – Последние её слова относились к Лёгким Парусиновым Тапочкам, высунувшимся из-под шкафа.

– А Вам-то что тут надо? – чуть ли не возмутились, увидев ещё и их, Стоптанные Домашние Туфли.

– Да так... прогуляться вышли, – испуганно ответили Лёгкие Парусиновые Тапочки и направились прямо к Широкополой Соломенной Шляпе, радостно повторяя: – Привет-привет!

А из соседней комнаты уже летели в прихожую Плетёная Сумка, Крепдешинное Платье, ещё одно, а потом и ещё два, Светлые Брюки и Рубашки-с-Короткими-Рукавами... Все они с хохотом падали на пол – прямо поверх Широкополой Соломенной Шляпы и Лёгких Парусиновых Тапочек, между тем как откуда-то везли уже и Пыльный-Чемодан-на-Колесиках. Было видно, что до этого он спал крепким сном. Теперь Пыльный-Чемодан-на-Колесиках бурчал на ходу, поскольку разбудили его явно не вовремя:

– ...без всякого предупреждения... в январе... среди ночи...

Но только кто-то уже поспешно кидал в чемодан всё, что горой лежало на полу. При этом Стоптанные Домашние Туфли то и дело отодвигали в сторону, а Деревянную Трость без конца роняли и снова приставляли к тумбочке...

– Тут, я вижу, все с ума посходили! – брюзжала Деревянная Трость. – Можно подумать, что настало лето...

Однако, грохоча по паркету Пыльным-Чемоданом-на-Колесиках, чада и домочадцы исчезали уже в проёме двери, а потом стало слышно, как в замочной скважине быстро поворачивается ключ.

– Минуточку! – крикнула им вслед Деревянная Трость, снова прислонённая к тумбочке. – Так всё-таки куда вы?

– В дальние страны! – раздалось из-за двери. – Мы вернёмся через месяц...

Деревянная-Трость-Прислонённая-к-Тумбочке и Стоптаные Домашние Туфли непонимающе переглянулись и спросили:

– Так о чём же эта сказка?

А эта сказка о Просто Апельсиновой Корочке. О Просто Апельсиновой Корочке и о запахе дальних стран, который иногда совершенно неожиданно уводит за собой сначала Широкополую Соломенную Шляпу, а потом... потом и нас с вами.

БАРАБАН, КОТОРЫЙ УМЕЛ УЖАСНО ГРОМКО СТУЧАТЬ

Не заметить, что в доме появился Барабан, было невозможно: он таким оглушительным треском поприветствовал всех сразу, что все сразу даже поёжились. Особенно Дедушка поёжился, но всё равно гостеприимно сказал в ответ:

– Здравствуйте, дорогой Барабан, и добро пожаловать... экий Вы громкий!

– Я такой оттого, – с радостью отчитался Барабан, – что новёхонький. И умею стучать ужасно громко.

– Это хорошо, что Вы умеете стучать громко, – улыбнулся Дедушка. – Но ведь дело не в этом.

– А в чём? – очень заинтересовался Барабан.

Однако Дедушка только покачал головой и ответил, что пока не скажет Барабану, в чём дело, потому как, дескать, рано ещё об этом говорить.

Тогда Барабан решил подождать, когда настанет время, а сам пока принялся стучать во всю мощь – просто хоть уши зажимай! Так, между прочим, и поступило одно комнатное растение под названием Аспарагус... кстати, это было очень вежливое растение и – перед тем как заткнуть уши – оно извинилось и сказала, что у него с утра сильно голова болит. А Барабан ответил, что, мол, сочувствует и что в таком случае

уши, конечно, следует зажать, поскольку он, Барабан, как раз намерен сейчас ужасно громко стучать... – и опять застучал.

– Простите, Вы когда-нибудь отдыхаете? – спросила Барабан Настольная Лампа, которая от его треска даже принялась нервно мигать.

– Никогда! – браво отрапортовал Барабан. – Я же новёхонький! И пока я новёхонький, я буду стучать без передышки.

– Понятно... – вздохнула Настольная Лампа, нервно мигая. А Дедушка только развел руками.

Через несколько дней, когда всем уже казалось, что они вот-вот сойдут с ума от постоянного беспорядочного треска, Барабан наконец выучил одну дробь – хоть и короткую, но всё-таки ритмичную. Так что слушать его стало уже не так мучительно – и Дедушка сказал:

– Ну вот, дорогой Барабан, а теперь мы с Вами пойдём в цирк.

И они пошли в цирк – и в цирке Барабан увидел один Очень Большой Барабан, а увидев, подумал: «Наверное, этот Очень Большой Барабан умеет громче меня стучать». И Очень Большой Барабан застучал... но оказалось, что стучит он довольно тихо. А в это самое время под куполом цирка одна гимнастка делала всякие упражнения на трапеции. И тогда наш Барабан подумал, что Очень Большой Барабан всё-таки слишком тихо стучит, и решил ему помочь. Тут он ка-а-ак начнёт трещать... и все зрители принялись оборачи-

ваться в его сторону и шикать, а гимнастка чуть не упала со своей трапеции – и зрители ужасно испугались за неё, что она разобьётся, но всё, слава Богу, обошлось.

А наш Барабан, конечно, обиделся и сказал:

– Я же помочь хотел своим громким стуком!

И услышал в ответ от Дедушки:

– Это хорошо, что Вы умеете стучать громко, но ведь дело не в этом.

– А в чём? – снова, как в день знакомства с Дедушкой, спросил Барабан.

Однако Дедушка опять только покачал головой и ответил, что пока не скажет Барабану, в чём дело, потому как, дескать, рано ещё об этом говорить.

Тогда Барабан решил ждать дальше, когда настанет время, а сам снова принялся стучать и выучил ещё одну дробь, а потом ещё одну. И наступил день, когда Дедушка сказал Барабану:

– Теперь мы с Вами пойдём на военный парад.

На военном параде наш Барабан увидел много разных барабанов – от самых маленьких до самых больших. Они шли и барабанили – невероятно слаженно. Тут наш Барабан решил, что его стука явно не хватает в их мелодии – и принялся выдавать свои дроби, одну за другой. А под барабанный бой маршировали военные – и когда наш Барабан вмешался в общую мелодию своими дробями, все окружающие на него зашикали – и военные сразу сбились с ноги, чуть не попадав

друг на друга... и даже мелодия на время прекратилась, но потом всё, слава Богу, обошлось. А наш Барабан, разумеется, обиделся и сказал:

– Я же только хотел как лучше!

Снова услышав в ответ от Дедушки:

– Это хорошо, что Вы умеете стучать громко, но ведь дело не в этом.

И вот какая странность: как бы громко ни барабанил Барабан потом, дело опять и опять было не в этом. А в чём было дело... оставалось загадкой, потому что говорить об этом всегда было рано.

Между тем Барабан давно уже стучал не так часто. Он знал теперь великое множество всяких дробей и множество разных коротких мелодий, но исполнял их не всё время, а от случая к случаю: например, бодрые – утром, деловые – днем, тихие-претихие – вечером, и лишь по праздникам просто барабанил вовсю. А если в доме случалась беда – и вовсе молчал, дожидаясь хороших перемен. И только когда хорошие перемены наконец приходили, Барабан раздражался самой долгой и бравурной своей дробью.

– Смотри-ка, – нервно мигая, говорила тогда Настольная Лампа Аспарагусу, снова, вежливо сославшись на головную боль, зажимавшему уши, – этот старый Барабан, оказывается, всё ещё умеет стучать, как новенький – ужасно громко!

– Конечно, умею, – отзывался старый Барабан и смущённо добавлял: – Только теперь я знаю, что дело не в том, чтобы

стучать громко... дело в том, чтобы стучать вовремя.

А уж Дедушка ли объяснил ему это или Барабан понял это сам – какая разница!

ЗАСУШЕННЫЙ БУКЕТ КРАСНЫХ РОЗ

В тот день Засушенному-Букету-Красных-Роз исполнялся ровно год. Для букетов год – серьёзный возраст... можно даже сказать, преклонный. До такого возраста ни один букет, вообще-то, и не доживает. Ведь букеты... они очень недолговечные: постоят дня два-три после того, как их подарили, – и вянут. А потом букеты эти сразу выбрасывают в мусорные вёдра – с большим, конечно, сожалением... только что ж делать? Не держать же у себя увядший букет!

Хотя... почему бы и не держать, с другой-то стороны? Если букет очень красивый, можно, например, вылить из вазы всю воду, а цветы оставить. И будут они в вазе терпеливо стоять, пока из увядшего букет не превратится в засушенный, а увядший букет и букет засушенный – вещи совершенно разные. Увядший букет – это сплошное расстройство, в то время как засушенный букет – это дорогое воспоминание.

Именно так год назад и поступили с Букетом-Красных-Роз, подаренным по случаю Большого Семейного Торжества. Его оставили в вазе, из которой сначала вылили всю воду, – и там, в вазе, он из увядшего букета постепенно превращался в Засушенный-Букет-Красных-Роз. Годовщину которого сегодня и отмечали.

Засушенный-Букет-Красных-Роз выглядел прекрасно. Это ничего, что листья его из зелёных стали коричневыми, зато сами розы выглядели такими же яркими... может быть, даже ещё ярче. И многие в доме считали, что возраст был Засушенному-Букету-Красных-Роз к лицу.

На празднование годовщины все друзья и знакомые Засушенного-Букета-Красных-Роз явились с замечательными подарками. Чего ему только не надарили! И серебряную ленту, которую вокруг него тотчас же и повязали, и – в маленьком конвертике – маленькую открытку, на которой стояла надпись: «Бесконечно дорогому Засушенному-Букету-Красных-Роз от любящих его...», – подписано, правда, было неразборчиво. Но это ещё далеко не всё. Ему подарили книжку со сказками, огромную коробку шоколада, шесть совершенно замечательных бокалов под шампанское и золотую булавку для галстука.

Засушенный-Букет-Красных-Роз принимал подарки серьёзно и торжественно, он благодарил каждого в отдельности, и вот перед ним – последней в очереди поздравляющих – оказалась Старенькая Леечка, которой испокон веков пользовались, чтобы поливать цветы на окнах. Она долго смотрела на Засушенный-Букет-Красных-Роз, вокруг которого горой высились подарки.

– Я хочу от всего сердца поздравить Вас с Вашей замечательной годовщиной, – сказала наконец Старенькая Леечка. – Поздравить и вспомнить тот день, когда Вас в первый

раз внесли в комнату. Боже мой, какой аромат шёл тогда от Вас! У всех присутствовавших просто головы закружились – настолько нежно пахли розы... И мы тогда подумали: неужели это только на два-три дня? Невозможно даже было представить себе жизнь без Вас... А сегодня – просто не верится! – мы отмечаем Вашу годовщину. И ничего, что уже нет былого аромата – зато есть дорогое воспоминание...

Присутствовавшие заплодировали Старенькой Леечке: им показалось, что она нашла как раз те самые слова, которые и следовало сказать сегодня Засушенному-Букету-Красных-Роз.

Конечно, Старенькая Леечка прослезилась, но это ничего не значило: в доме столько раз видели её плачущей, что все давно привыкли к этому. Старенькая Леечка с утра до вечера только и делала, что проливала слёзы. Многие считали, что она даже способна плакать по заказу: попроси – и будто дождик польётся.

– Признаюсь, – внезапно улыбнувшись сквозь слёзы, продолжала Старенькая Леечка, – я приготовила для Вас подарок, который... который сама считаю бесценным, хотя другим так, может быть, и не покажется. Все ведь давно привыкли к моим слезам! Я с утра до вечера только и делаю, что их проливаю. Многие считают, что я даже способна плакать по заказу: попроси – и будто дождик польётся. – Тут она лукаво посмотрела на всех присутствующих и добавила: – Это действительно так. Но вчера, когда я подумала о том времени...

я заметила, что на пол скатилась всего одна моя слеза – это была непрошенная слеза. Её я и хочу подарить Вам.

Присутствовавшие посмотрели на Старенькую Леечку с осуждением: по их мнению, являться с таким подарком на годовщину Засушенного-Букета-Красных-Роз было даже и не очень прилично. Уж для такого-то случая следовало бы подготовить что-нибудь поинтереснее.

Но Засушенный-Букет-Красных-Роз, принимая от Старенькой Леечки непрошеную слезу в чёрном бархатном футляре, поклонился ей и растроганно сказал:

– Спасибо Вам. Мне ещё никогда не дарили непрошеной слезы.

А потом он раскрыл футляр, вынул оттуда непрошеную слезу и, соблюдая всяческие предосторожности, повесил её на один из своих сухих стеблей.

И всем тогда на мгновение показалось, что нежный аромат красных роз снова наполнил комнату.

ДУРАЦКАЯ БАХРОМА

Дурацкой Бахрому только называли – на самом деле ничего такого уж дурацкого в ней и не было: бахрома как бахрома. А что болтается в разные стороны – так покажите мне бахрому, которая бы не болталась! Не бывает такой бахромы на свете – так что нечего и обзываться.

Но уж коль скоро Дурацкую Бахрому так называли, придётся и нам её так называть... иначе те, кто называет её Дурацкой Бахромой, когда будут читать эту сказку, не поймут, о какой бахrome идёт речь. А потому скажем прямо: речь в этой сказке идёт о бахrome, которую многие вокруг называли Дурацкой Бахромой.

Дурацкая Бахрома висела на одной невероятно красивой шали и болталась. Просто болталась в разные стороны – и всё. Внимание на неё мало кто обращал: ну, болтается – и пусть болтается. Только уж какие-то совсем праздные прохожие, которым было вообще нечего делать, иногда подходили к Дурацкой Бахrome и спрашивали:

– Болтаетесь?

– Да, болтаюсь! – болтаясь, беспечно отвечала Дурацкая Бахрома, не зная, как тут ещё можно ответить.

После этого некоторые уходили, другие же оставались и опять спрашивали:

– А чего болтаетесь-то?

Таких вопросов Дурацкая Бахрома, надо сказать, совсем не любила, потому что ответов на них не знала. Попробуйте-ка найти ответ на такой вот вопрос! Однако, поскольку что-то отвечать всё-таки было надо, она напрягалась и отвечала как умела:

– А того болтаюсь, что работа у меня такая.

Обычно ответ этот не принимался: сразу начинались всякие возражения вроде того, что работать – одно, а болтаться – совсем другое и что подобные вещи путать ни в коем случае нельзя. Тут Дурацкая Бахрома совсем терялась – и разговор заходил в тупик, где и находился всё оставшееся время.

Да и правда, поди объясни посторонним, что работы всякие бывают! Бывают даже работы, которые вообще выглядят как отдых, только никакой это на самом деле не отдых. Например, работу на кондитерской фабрике очень даже легко можно за отдых принять: стой себе и лепи конфеты – некоторые на конвейер клади, а некоторые – себе в рот. Однако с кондитерской фабрики всё равно люди домой очень усталыми приходят, – и самое страшное, что на конфеты уже и смотреть не могут. Предложишь кому-нибудь с кондитерской фабрики конфету, а он начинает руками махать и кричать: «Нет, нет, лучше закопайте меня в землю живьём! Лучше отдайте меня на растерзание аллигаторам! Лучше заведите меня в дремучий лес и бросьте!...» Получается, не очень-то это отдых – работа на кондитерской фабрике!

Между прочим, болтаться тоже не так просто, как кажется.

ся. Иные думают: вот бы мне такую работу – весь день напролёт болтаться! Болтаешься и болтаешься – красота... А красоты-то и нету никакой. Совсем наоборот: поболтаешься немножко – и начинает голова кружиться. Иных даже тошнит, как после карусели.

Только Дурацкая Бахрома работу свою хорошо знала: у неё голова не кружилась. Да и не тошнило её никогда: это ведь только с непривычки тошнит. А Дурацкая Бахрома уже за свою жизнь столько наболталась, что почти и не замечала, какая трудная у неё работа. Потому и казалось, что болтаться для неё – сущее удовольствие. Некоторые – во всяком случае, Хозяйственная Сумка – так и думали.

– В то время как кое-кто целыми днями тяжести таскает, – обычно говорила она под вечер, когда выглядела особенно нагруженной, – другие болтаются и горя не знают!

А в этот вечер Хозяйственная Сумка была ужасно сильно раздражена: ещё бы, в неё положили целых пять килограммов картошки! И она никак не могла дождаться, когда же её наконец принесут домой и освободят от поклажи. Вот и брюзжала больше обычного, да так монотонно, что Дурацкая Бахрома даже с ритма сбилась: обычно ведь все бахромы не просто так болтаются, а в определённом ритме, – только это мало кто замечает.

Но стоило Дурацкой Бахроме сбиться с ритма – в мире начали происходить всякие недоразумения. Невероятно красивая шаль опоздала качнуться вперед и задержалась в двер-

ном проёме, дверь не успела заметить этого и захлопнулась, владелица шали на полной скорости остановилась, а Хозяйственная Сумка, к этому моменту уже сильно обогнав её, от собственной тяжести подалась далеко вперёд и лопнула, рассыпав вокруг себя пять килограммов картошки, которые покатались по тротуару и проезжей части дороги... Тут все машины остановились и возникла пробка, а пешеходы заспотыкались и стали валиться в разные стороны, как снопы, причём один из них упал прямо на продавца воздушных шариков, тот выпустил воздушные шарики из рук – и они взмыли в небо, загородив дорогу самолёту, вылетевшему из Москвы в Копенгаген, так что самолёт срочно вынужден был изменить курс, полететь в Турцию и опуститься на аэродроме в Истамбуле, где его никто не ждал... и все турки в возмущении закричали:

– Да что ж это такое происходит на белом свете?

Тогда дежурный по истамбульскому аэропорту принялся звонить в Москву, откуда прилетел самолёт, и тоже кричать в трубку:

– Да что же это такое происходит на белом свете?

А из Москвы ему смущённо отвечали:

– Тут у нас, видите ли, одна Хозяйственная Сумка сбила с ритма одну бахромку – и бахромку зажало дверью, и...

– Ох уж эти хозяйственные сумки! – возмутился дежурный по истамбульскому аэропорту и добавил: – Ну так сделайте же что-нибудь с бахромой!

И все в Москве побежали освобождать Дурацкую Бахрону, зажатую дверью...

Когда её освободили, она опять принялась исправно болтаться в разные стороны. И всё в мире вернулось на свои места, кроме картошки: ей было некуда вернуться, потому что Хозяйственная Сумка лопнула. Обидно, конечно, за картошку... но всё-таки есть в мире предметы и поважнее картошки – или... как вы думаете?

ЗАЕЗЖЕННАЯ ПЛАСТИНКА

– Всё, – сказала Заезженная Пластинка, – довольно. Меня заездили окончательно.

Когда пластинки такое говорят, это серьёзно. Обычно подобные слова означают никак не меньше, чем *моему-терпению-пришёл-конец-я-отказываюсь-служить-дальше-и-пожалуйста-оставьте-меня-в-покое-отныне-и-навсегда*.

– Вы говорите так, словно Вы какой-нибудь конь... – тонко заметила Старая Граммофонная Игла (она всегда делала только очень тонкие замечания). – Как можно *заездить* пластинку? И кто может её заездить?

– Заездить-то именно что очень просто, – вздохнула Заезженная Пластинка. – Ездить, ездить, ездить по мне... да и заездить! А заездили меня, извините, Вы. Потому что, извините, Вы по мне как раз и ездили.

Старая Граммофонная Игла тонко улыбнулась (она всегда улыбалась только очень тонко) – и опять устроилась на краешке Заезженной Пластинки с явным намерением поездить по ней ещё немножко.

– Имейте в виду, меня заездили окончательно, – повторила Заезженная Пластинка и дала Старой Граммофонной Игле полезный совет: – Так что... пеняйте на себя.

Но Старая Граммофонная Игла вообще не имела никаको-

го представления о том, как пеняют... тем более на себя – и, вместо того чтобы пенять на себя, принялась было – наоборот! – ехать по Заезженной Пластинке в привычном направлении.

Впрочем, далеко уехать ей не удалось... честно говоря, уехать ей и вовсе никуда не удалось: Старая Граммофонная Игла вообще как застряла на месте, так с него и не сдвинулась. А Заезженная Пластинка прокружилась три раза и три раза повторила одну и ту же музыкальную фразу.

– Вы забыли мелодию? – задала тонкий вопрос Старая Граммофонная Игла (она всегда задавала только очень тонкие вопросы).

– Да нет, – ответила Заезженная Пластинка и, помолчав, добавила: – Мелодию-то я как раз помню очень хорошо.

– Зачем же Вы тогда заставляете меня топтаться на одном и том же месте? – Вопроса такой немислимой тонкости она никогда ещё не задавала.

– Меня заездили окончательно, – снова повторила Заезженная Пластинка, надеясь, что на сей раз её поймут. Но её, увы, опять не поняли.

– Это не ответ, – тонко возразила Старая Граммофонная Игла (она всегда возражала только очень тонко). – Всякое музыкальное произведение имеет начало, середину и конец. Сперва обычно идет начало, затем обычно располагается середина и потом обычно наступает конец. Только после этого исполнение музыкального произведения считают исчерпан-

ным. Вы же, скорее всего, полагаете, что достаточно одного начала, повторённого три раза.

После этого тонкого наблюдения (её наблюдения всегда были только очень тонкими) Старая Граммофонная Игла снова устроилась на краю Заезженной Пластинки, с которого, однако, тут же и была сброшена резковатым, честно сказать, движением Заезженной Пластинки.

– Какая Вы, однако, мерзавка, – сделала тонкий вывод Старая Граммофонная Игла (она всегда делала только очень тонкие выводы).

Заезженная Пластинка промолчала: она была настолько заезжена, что никаких сил продолжать этот никому не нужный разговор у неё больше не оставалось.

Что же касается Старой Граммофонной Иглы, то она, понятное дело, сочла такое поведение Заезженной Пластинки недопустимо грубым: при своей необыкновенной тонкости Старая Граммофонная Игла не постигала, как это можно – оборвать разговор на самой середине. От обиды она, конечно, тут же сломалась – и её пришлось заменить новой. Новая Граммофонная Игла была блестящей и совсем молчаливой.

Ласковые руки осторожно взяли Заезженную Пластинку, а пришедший сверху Хороший Голос сказал:

– Извините, дорогая Заезженная Пластинка, за то, что я так мало берёг Вас. Но всё дело в том, что очень уж мне нравится записанная на Вас соната. Я всегда готов слушать её снова и снова.

– Увы, теперь это будет трудно, – с сожалением откликнулась Заезженная Пластинка. – Я заезжена окончательно... и всё время топчусь на одном месте, как совершенно справедливо и тонко заметила Старая Граммофонная Игла.

– Забудьте о Старой Граммофонной Игле, – попросил Хороший Голос. – Сейчас я познакомлю Вас с совсем юной и очень милой Новой Граммофонной Иглой. А впрочем, втроём нам удастся вернуть к жизни мою любимую сонату...

И Новую Граммофонную Иглу осторожно поставили на самый краешек Заезженной Пластинки.

Снова, как в былые времена, тихонько зазвучала в комнате знакомая мелодия. Она казалась усталой, она пробиралась вперёд медленно и не очень уверенно, немножко спотыкаясь и ненадолго останавливаясь, но это, вне всякого сомнения, была всё та же невозможно красивая соната.

Когда соната кончилась, Новую Граммофонную Иглу осторожно сняли с Заезженной Пластинки, а Хороший Голос едва слышно произнёс:

– Всё-таки нет такой сонаты, которую было бы нельзя вернуть к жизни.

И, между нами говоря, это была чистая правда.

ТОРТ, КОТОРЫЙ БЫЛО ГРЕХ ЕСТЬ

Вы ведь себе хорошо представляете, какой торт тут имеется в виду?

Вот такой и имеется: невероятно просто красивый торт – весь в разноцветных кремовых башенках, в шоколаде, с орешками, цукатами... эх, да что говорить! Смотришь на такой торт и думаешь: как же его есть-то, прости Господи? Это ведь чуть ли не грех – такое великолепие разрушать, на которое столько труда ушло. Неужели возможно – вот так вот взять и вонзить нож в самую середину? И нарезать торт кусками... И съесть... Зверство прямо какое-то – иначе никак не назовёшь, честное слово!

Именно так все и подумали, когда Торт подали к столу. Никто даже не сказал ничего – все просто зачарованно смотрели на роскошное белое сооружение и не решались представить себе, что сейчас оно исчезнет на глазах. Останется только неряшливая масса, размазанная по тарелкам... Тут как раз и прозвучали странные эти слова:

– Такой торт и есть-то грех!

– Вот тебе раз! – подумал Торт. – Если меня не есть, то что же со мной ещё делать? Меня ведь и приготовили для того, чтобы есть... Я ведь больше ничего не умею – кроме

как собой угощать! Интересно... интересно, что они по поводу меня придумают?

И было действительно интересно, потому как есть Торт никто, со всей очевидностью, не собирался. Он так и продолжал стоять на столе – великое произведение кондитерского искусства, к которому не решаются притронуться.

Между тем в чашки давно уже налили чай – и чай многие даже пили, закусывая кто печеньем, кто вареньем, кто конфетами...

– Да порежьте же кто-нибудь торт! – воскликнула Бабушка, но желающих последовать её призыву так и не нашлось.

К сожалению, Торт говорить не успел научиться. А если бы успел, то, конечно, сказал бы гостям: «Дорогие гости, меня приготовили специально для вас. Рад, что я вам пришёл по душе. Но самое лучшее, что вы можете сделать для меня, – это съесть немедленно без остатка и потом, через несколько дней, а ещё лучше – лет, вспоминать обо мне добрым словом: дескать, помните тот торт, который нам подавали тогда-то и тогда-то?» И, конечно, гости послушались бы его!

Но – увы: Торт не умел говорить. Однако размышлять он умел.

«Неужели ни гости, ни хозяйева не понимают, – размышлял Торт по мере того, как чаепитие подходило к концу, – что меня не столько грех есть, сколько грех не есть? К чему же они, получается, меня приговаривают? Я ведь долго сто-

ять не могу... тем более на такой жаре. Я начну таять. Если же меня и тогда не съест... страшно просто подумать, что случится! Потому что я тогда начну... извините, портиться. И испорчусь весь. И мною можно будет отравиться!»

Между тем чаепитие было закончено – и всё убрали со стола. Всё – кроме Торты. Надеяться стало не на что... А скоро Торт услышал, как гости прощаются с хозяевами в передней, бесконечно повторяя благодарности за вкусный ужин и десерт. За десерт, в составе которого словно бы и не было никакого торта...

В столовой же в это время происходил разговор между оставшимися на зеркальном подносе фруктами. И одна Виноградная Гроздь говорила другой:

– Довольно тебе, дурочка, рассматривать себя в зеркале да прихорашиваться! Вот станешь такой же красивой, как этот бедняга торт, – и никогда никто тебя не съест... повесят на гвоздик как украшение – и будешь там сто лет висеть, вся пыльная да сморщенная!

Слова Виноградной Грозди прозвучали будто приговор – и, если бы Торт знал, как это делается, он тут же растаял бы без следа! Но как растаять, он, увы, не знал... да и не очень-то растаешь, когда в тебе орехи да цукаты: они уж точно не растают ни за что в жизни!...

Тут в комнату вошли и, ещё раз полюбовавшись Тортом, накрыли его стеклянным колпаком и понесли в кухню.

«Что они со мной будут там делать? – размышлял он по

пути. – Выбросили бы сразу в мусоропровод, да и дело с концом. Пусть и бесславная, зато быстрая кончина. Так я хоть не отравлю никого потом!...»

Однако в мусоропровод его не выбросили, а оставили стоять на столе: мучения продолжались.

К стеклянному колпаку, которым Торт был покрыт, подобрался Наглый Кот. Наглый Кот повил хвостом и попробовал лапой сдвинуть колпак – колпак не поддавался.

«Вот это мило... – разочарованно подумал Торт. – Достаться на съедение Наглому Коту, выслушав столько похвал в свой адрес!»

И так строго посмотрел на Наглого Кота из-под своего стеклянного колпака, что Кот слетел со стола как ошпаренный и убежал в гостиную.

«Уж лучше я никому не достанусь, чем Наглому Коту!» – решил Торт. В этот момент в кухне погасили свет.

...утром следующего дня Бабушка пришла будить Внука и увидела, что постель его пуста. Бабушка тут же принялась искать его по всему дому, а нашла на кухне. Внук спал у стола, уронив на клеёнку голову, до самых волос измазанную кремом. В руке он всё ещё держал столовую ложку с налипшими на ней орешками.

А рядом с измазанной кремом головой бесхозно лежал крохотный кусочек недоеденного Торты и блаженно улыбался.

Положив кусочек Торты в рот, Бабушка покачала головой

и сказала:

– Такой красивый торт... И есть-то было грех!

КАПРИЗНЫЙ ШАРФИК В ШОТЛАНДСКУЮ КЛЕТКУ

Когда приезжаешь из своей страны в чужую, сразу понимаешь, что всё в этой стране неправильно. А самое неправильное из всего – это, конечно, погода. Дома всегда светит солнце, зеленеет трава и поют птицы. А в других странах обычно только дожди, пожухлая растительность и рычащие звери.

– Я туда не пойду! – не успев высунуться на дождливую московскую улицу, сказал Шарфик-в-Шотландскую-Клетку, прибывший, понятное дело, из самой Великобритании, и нарочно зацепился за Дверную Ручку. Та, испугавшись, что и её потащат под дождь, истошно заверещала:

– Да отцепитесь, отцепитесь же Вы от меня!

И начала дёргаться в разные стороны, обвивая вокруг себя Шарфик-в-Шотландскую-Клетку.

«По-моему, меня сейчас задушат в России», – сам себе сказал Пожилой Турист и поспешно принялся отцеплять Шарфик-в-Шотландскую-Клетку от Дверной Ручки. Задача была не из простых: Дверная Ручка продолжала дёргаться в разные стороны – и ухватиться за неё покрепче не было никакой возможности. Спасибо портье, который бросился на помощь уже почти задушенному Пожилому Туристу: общи-

ми усилиями Шарфик удалось отцепить от Дверной Ручки, – правда, та какое-то время ещё подёргивалась от перенесённых треволнений. А Пожилой Турист подарил портье тысячу отменных великобританских благодарностей и живым и невредимым вышел из гостиницы.

На дождливой московской улице Шарфик-в-Шотландскую-Клетку, не увидев над собой прикрытия, тут же зацепился за первый встретившийся ему по дороге Зонт. Зонт даже перекосило от неожиданности.

– Вы ко мне? – спросил он перекошенным ртом.

– Не к Вам, а под Вас! – уточнил Шарфик-в-Шотландскую-Клетку, с радостью запутываясь в сухих спицах.

– Вон отсюда! – зарычал было Зонт, но тут несколько его спиц согнулись – и он стал напоминать коробку из-под телевизора.

Пожилой Турист с тысячей отменных великобританских извинений принялся отцеплять Шарфик-в-Шотландскую-Клетку от Зонта и выпрямлять спицы... то-то было хлопот! На всё это время он спрятал Шарфик-в-Шотландскую-Клетку под своё широкое пальто – оставив снаружи только крохотный кончик, возле самой шеи.

Когда отцепление и выпрямление были закончены, Пожилой Турист с тысячей отменных великобританских приветствий покинул место неприятного происшествия и хотел выпустить Шарфик-в-Шотландскую-Клетку на воздух, но не тут-то было! Тот запутался бахромой за все без исключе-

ния пуговицы пиджака Пожилого Туриста и вылезать из-под пальто на улицу никак не желал.

С тысячей отменных великобританских проклятий Пожилой Турист принялся распутывать бахрому вокруг пуговиц пиджака, но бахрома сидела так прочно, что Пожилому Туристу пришлось просто-напросто тут же и поотрывать все пуговицы.

– И куда ж я такой гожусь? – с неповторимым великобританским сарказмом заметил Пиджак, но пальто было уже застёгнуто, а Шарфик-в-Шотландскую-Клетку, гремя привязавшимися к нему пуговицами, метался по дождливой московской улице, чтобы зацепиться ещё за что-нибудь. На этот раз он выбрал, пожалуй, самую неудачную зацепку – металлическую планку одной афиши... Пожилой Турист дёрнул Шарфик-в-Шотландскую-Клетку раз, дёрнул два и – обрушил афишу на головы ни в чём не повинных прохожих, шагавших кто куда по своим делам.

Тут, конечно, не замедлил появиться Милиционер...

Расплатившись с Милиционером тысячей отменных великобританских фунтов стерлингов, Пожилой Турист сердито плюнул на землю тысячей отменных великобританских плевков и стремглав помчался к гостинице. Здесь он снова упаковал только что распакованный чемодан и, заказав такси, уехал в Шереметьево.

Вечером того же дня самолёт авиакомпании «British Airways» с тысячей отменных великобританских удобств до-

ставил его в Лондон.

Вздохнув наконец с облегчением, Пожилой Турист надел в салоне самолёта пальто и повязал шею Шарфиком-в-Шотландскую-Клетку. И поспешил на улицу...

Впрочем, он тут же кинулся было обратно в самолёт, ибо дождь в Лондоне лил как из ведра. Этого, кстати, следовало ожидать: уж если где-то в мире и идут беспрестанные дожди, так это в Лондоне!

Однако назад в самолёт уже не пускали – и Пожилой Турист обречённо поплелся вниз по трапу, с напряжением ожидая, что же теперь выкинет его капризный Шарфик-в-Шотландскую-Клетку. Но тот висел себе спокойно и даже как ни в чём не бывало бубнил Пожилому Туристу под нос какую-то развесёлую песенку. А потом сказал:

– Прекрасная погодка, не правда ли?

Пожилой Турист чуть не выругался тысячей отменных великобританских ругательств, а Шарфик-в-Шотландскую-Клетку безмятежно продолжал:

– Наконец-то мы дома! Дома всегда светит солнце, зеленеет трава и поют птицы. А в других странах обычно только дожди, пожухлая растительность и рычащие звери.

Тут Пожилой Турист уронил вздох, потом ещё один, а потом и целую тысячу... тысячу отменных великобританских вздохов.

– Не будем брать такси, – разошёлся Шарфик-в-Шотландскую-Клетку, прогуляемся до дому пешочком!

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОДНОГО ЧАЙНОГО ПАКЕТИКА

Всю свою – не сказать, правда, чтобы долгую, но всё-таки! – жизнь Чайный Пакетик ждал этого мгновения: когда его распакут, потом возьмутся за ниточку... и он сначала вот так немножко повисит и отдышится в воздухе, а после сиганет прямо в бездну прозрачного стакана, – тут-то и начнется его Увлекательное Путешествие!

И вот наконец мгновение настало – так уж у них, у мгновений, заведено: ждёшь его, ждёшь – в конце концов, совсем отчаешься и скажешь: «Видно, так никогда это мгновение и не настанет...». Ан – не успеешь рот закрыть, как мгновение – ррраз... и настало!

«Вперёд! Час пробил», – сказал себе Чайный Пакетик, покачиваясь на ниточке над бездной прозрачного стакана и стараясь успеть отдышаться перед Увлекательным Путешествием. И в этот момент его опустили на самое дно... На дне Чайный Пакетик сразу же столкнулся с Чайной Ложечкой.

– Привет, – равнодушно сказала та и отвернулась.

– Привет, – пролепетал Чайный Пакетик, дивясь такому негостеприимству. – Мы с Вами, что же, в одном отряде, получается?

– Это в каком таком отряде? – подозрительно спросила Чайная Ложечка.

– В отряде... в отряде путешественников! – с энтузиазмом воскликнул Чайный Пакетик.

– Я не собираюсь в путешествие, – опять равнодушно произнесла Чайная Ложечка.

– А что же Вы собираетесь делать? – изумился Чайный Пакетик.

Чайная Ложечка, обернувшись, взглянула на него как на сумасшедшего и сказала:

– Я собираюсь размешать сахар в чае и вылезти отсюда на сушу.

И чем скорее, тем лучше.

– А как же... как же всё увлекательное? – оторопел Чайный Пакетик.

– Здесь ничего увлекательного никогда не будет, – изрекла Чайная Ложечка. – Стакан чая – вообще не то место, где бывает увлекательно!

– Это как посмотреть... – робко возразил Чайный Пакетик.

– Да как бы ни посмотреть! – отрезала Чайная Ложечка, словно она не ложка, а ножик.

На сей раз Чайный Пакетик промолчал, но про себя упрямо подумал: «Каждого из нас ожидает Увлекательное Путешествие – иначе и на свет родиться не стоило!»

Тут на него свалился кто-то скользкий и холодный – и

сердце у Чайного Пакетика тревожно забилося: начинается!... Впрочем, это оказался всего-навсего Кружочек Лимона. Он разместился на Чайном Пакетике, как на подушке, и блаженно сказал:

– Ну, вот мы и приземлились ненадолго.

По-видимому, он имел в виду не только себя, раз сказал «мы», но у Чайного Пакетика не было желания вступать с ним в разговор – потому он промолчал. И правильно сделал, потому что в ту же минуту сверху посыпались белые крупинки. «Начинается!» – опять подумал Чайный Пакетик, затаив дыхание... но это был только Сахарный Песок, который упал на Кружочек Лимона и мгновенно начал таять.

Чайная Ложечка вздохнула и с нетерпением взглянула наверх: ей хотелось как можно скорее размешать тут всё это... и с гордостью удалиться.

И вот сверху полилась горячая вода! Теперь уж сомнений не было: Увлекательное Путешествие начиналось... Кружочек Лимона тут же начал задыхаться под водой и всплыл наверх как ошпаренный, а Чайный Пакетик принялся плавать в разные стороны: то-то было здорово! Сначала вода вокруг него была совсем прозрачной, потом сделалась бледно-жёлтой, потом золотой, янтарной... и наконец превратилась в совсем тёмную – словно в стакане чая настала ночь. А сразу вслед за ночью налетела буря! Чайная Ложечка заметалась в разные стороны, Кружочек Лимона стал выписывать по поверхности замысловатые круги, а Чайный Пакетик радовал-

ся стольким событиям сразу – и особенно этой Буре-в-Стакане-Воды: какое же может быть настоящее Увлекательное Путешествие без бури!

Тут кто-то наверху взялся за ниточку – и Чайный Пакетик начал медленно подниматься наверх... Ох, сколько интересного наблюдал он по пути! Диковинные растения преграждали ему путь, причудливые кораллы то тут, то там принимали его в свои объятия, страшные рыбы и немыслимые подводные существа сновали в разные стороны, тёплые и холодные потоки сменяли друг друга... А ближе к поверхности буря стала ещё заметнее: куда хватало глаз – высились огромные волны, и было видно, как суда отчаянно борются с ними, чтобы не дать похоронить себя под штормящей поверхностью. Парусники носились над волнами – и солёный ветер трепал их шёлковые паруса...

Наконец Чайный Пакетик вынули из стакана целиком и опустили на маленькое блюдечко.

– Спасибо! – взволнованно сказал он, сам не зная кому. – Спасибо за такое Увлекательное Путешествие...

– Путешествие? – переспросили его.

Рядом с ним на блюдце лежала та же самая Чайная Ложечка: она только что вернулась на сушу и теперь сохла.

И тогда Чайный Пакетик принялся рассказывать ей обо всём, что видел по пути. Чайная Ложечка слушала с терпеливой усмешкой. А когда он закончил, сказала:

– Кстати, насчет бури... Её, вообще-то говоря, сделала

я– Вы ведь в курсе? Мы, ложки, частенько делаем бури, когда приходится что-нибудь размешивать! А всё Ваше Увлекательное Путешествие – это только фантазии, дорогой Вы мой... Не было ничего такого у Вас на пути. Это просто чаепитие, а чаепитие – занятие обычное...

Сказав так, она внимательно посмотрела на Чайный Пакетик и поняла, что тот, все ещё носясь в воображении своем по океанским просторам, не слышал её слов...

И хорошо, что не слышал!

Потому что каждый из нас волен распорядиться своей жизнью так, как захочет. Можно считать, что твоя жизнь – Увлекательное Путешествие, а можно – что чаепитие... занятие обычное. Это ведь как посмотреть...

– Да как бы ни посмотреть! – снова отрезает Чайная Ложечка, словно она не ложка, а ножик.

И отворачивается от нас всех. И медленно сохнет.

КИТАЙСКИЙ БОЛВАНЧИК

Теперь-то уже таких китайских болванчиков редко где встретишь – это раньше они почти в каждом доме были. Фарфоровые фигурки с согласно покачивающимися от любого дуновения головами. Сидели себе кто на комодe, кто в буфете, кто на ночном столике, молчали да кивали, что бы ни случилось:

– Да, да, да... Так оно и есть.

А один Китайский Болванчик сидел на книжной полке. Полка ломилась от книг, и наш Китайский Болванчик был готов к тому, что она, того и гляди, переломится-таки пополам. Поставят на неё какую-нибудь новую книгу и – прощай, жизнь! Но делать нечего: жизни всегда угрожают книги, это-то уж Китайский Болванчик хорошо понимал. Только книги он всё равно любил больше жизни... А если так и так погибать, то уж лучше под грудой книг.

Ночами Китайский Болванчик приучился слушать разговоры, которые книги вели между собой. В разговорах таких Китайский Болванчик никогда не участвовал: они и вообще-то не для болванчиков. Он только слушал и соглашался:

– Да, да, да... Так оно и есть.

Между тем сами книги отнюдь не всегда были согласны друг с другом. Ух, какие жаркие велись тут споры подчас! Какие страсти кипели! Какие дерзкие обвинения бросали в

лицо друг другу!

– Да Вы, голубушка, устарили на сто пятьдесят лет... Никто уже давно и не думает, будто Земля плоская, – Земля круглая и стоит на трёх китах!

– Да, да, да... Так оно и есть.

– И ни на каких не на трёх китах! Земля покоится на огромной черепахе!

– Да, да, да... Так оно и есть.

– Вы просто полоумные обе! Все в мире давно согласились с тем, что Земля – это небесное тело, вращающееся вокруг Солнца...

– Да, да, да... Так оно и есть.

– Земля держится на любви, вот что я вам скажу!

– Да, да, да... Так оно и есть.

Китайский Болванчик исправно кивал – и, стало быть, по крайней мере, один союзник у каждого из споривших в распоряжении всегда имелся. А это значило, что никто из них не был совсем одинок в мире – даже тот, кто считал, что Земля стоит на трёх китах. Даже тот, кто считал, что Земля покоится на огромной черепахе. Даже тот, кто считал, что Земля держится на любви... Со всеми Китайский Болванчик соглашался целиком и полностью и каждого понимал. И все они для него были правы.

– Как Вы думаете, он дурак или у него просто вообще нет своего мнения? – спросила однажды Толстенная Энциклопедия у Многотомного Словаря.

– Это одно и то же, – в задумчивости пошелестев страницами, ответил Многотомный Словарь. – Дурак – это как раз тот, кто не имеет своего мнения и только и делает, что присоединяется к чужим!

– А по-моему, он вовсе не дурак, – вмешалась Тоненькая Брошюра. – По-моему, он спит всё время – видите, у него глаза полузакрыты? Голова же у него просто во сне качается.

– Вам, между прочим, слова не давали! – рассвирепел Свод Законов. – То, что у него глаза полузакрыты, означает просто, что он внимательно слушает. На самом же деле он не кто иной как подхалим, который хочет всем угодить, – вот вам и разгадка.

– Кто бы он ни был, – вздохнул Сборник Стихов, – у него никогда не будет настоящих друзей. Он ведь разделяет сразу все точки зрения...

– Полное отсутствие всяких принципов! – подвёл итог Обьемистый Философский Труд.

Книги некоторое время молчали.

– А нужен ли нам такой сосед? – осторожно поинтересовался вдруг Детективный Роман. Он только вчера появился на книжной полке, и места для него тут явно было маловато.

– Что Вы имеете в виду? – подозрительно спросил Свод Законов и добавил: – Каким бы он ни был, он имеет право быть самим собой и занимать отведённое ему место! Такое право есть у каждого.

– Потому что Земля держится на любви! – завёл свою пла-

стинку Сборник Стихов.

Детективный Роман ничего не ответил, но, когда книги опять углубились в старый спор, осторожно наклонился в сторону Китайского Болванчика и незаметно сдвинул его к самому краю книжной полки, освобождая место для себя.

– Да, да, да... Так оно и есть, – кивнул Китайский Болванчик и полетел вниз.

Ровно в тот же миг ломившаяся от книг книжная полка переломилась-таки пополам. Валились книги в беспорядке и, неуклюже падая на пол, подминали под себя друг друга. А когда осела пыль, Свод Законов сказал лежавшему поблизости Детективному Роману:

– Это всё из-за Вас! Вы перегрузили книжную полку... и добро бы ещё чем-нибудь стоящим! А то ведь – тьфу, обычная макулатура...

– Да Вы лучше взгляните на Толстенную Энциклопедию! – огрызнулся тот. – И сравните её вес с моим!

– А ещё лучше – на этот никому не нужный Свод Законов! – просто-таки взревела Толстенная Энциклопедия.

И тут все они начали поносить друг друга самыми последними словами.

О Китайском Болванчике даже и не вспомнили: книгам было невдомёк, что вот уже много лет книжная полка держалась в воздухе только на согласии. На согласии Китайского Болванчика со всеми сразу. А сам он... сам он погиб так, как мечтал, – под грудой книг.

И, значит, гибель его не стоит оплакивать.

– Да, да, да... Так оно и есть.

БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Вот уж легкомысленные создания эти Балетные Туфельки! Всё бы им только порхать да горя не знать... Недаром к ним даже специально пришивают такие розовые ленты: ленты завязывают вокруг ноги, чтобы балерина как-нибудь ненароком со сцены не улетела!

А на наших с вами Балетных Туфельках розовые ленты связали в узелок. И повесили Балетные Туфельки отдыхать на спинке стула в примерочной. Счастливая балерина, которой в этот вечер подарили целый грузовик цветов, после спектакля вбежала в примерочную и... и испарилась, как делают все балерины. Потому что балерины – только на сцене балерины. А в жизни это просто такие облачка пара, кто ж не знает!

Усталые Балетные Туфельки висели себе перекинутыми через спинку стула и всё ещё тяжело дышали.

– Вы дышите, как две рыбы, выброшенные на сушу! – иронически заметил Тяжёлый Бархатный Халат на двери.

– Мы просто немножко устали, – еле слышно сказали Балетные Туфельки в своё оправдание.

Но оправдание их не было принято.

– Они устали! – повторил Тяжёлый Бархатный Халат со смехом. – Можно подумать, что Вы солдатские сапоги, в которых по дорогам грязь месят. Это же сущее удовольствие –

порхать по сцене... да при Вашей-то невесомости!

– Конечно, удовольствие... – совсем смутились Балетные Туфельки. – Мы и не говорим, что не удовольствие. Просто спектакль сегодня длинный был... и потом ещё раз десять на «бис» вызывали.

– Мне бы Ваши заботы! – сказал Тяжёлый Бархатный Халат. – Да только это уж кому что на роду написано: одни трудятся в примерочной, не покладая рукавов своих, в то время как другие порхают по сцене да выбегают на «бис»! А потом дышат так тяжело, словно на них целый день воду возили!

Балетные Туфельки затаили дыхание, чтобы больше не производить на Тяжёлый Бархатный Халат плохого впечатления.

– Да оставьте Вы их в покое, пусть дышат как дышат! – воскликнула Длинная Пачка, оставленная в кресле. – Уж кто-кто, а Балетные Туфельки заработали себе сегодня право на отдых.

– Вас забыли спросить! – огрызнулся Тяжёлый Бархатный Халат. – Ещё одна усталая... вся работа которой только и сводится к тому, чтобы торчать в разные стороны!

Длинная Пачка рассердилась не на шутку:

– Я не торчу в разные стороны, я Длинная Пачка! Я плавно взлетаю и плавно опускаюсь в такт музыке... чтоб Вы знали.

– Взлета-а-аю, опуска-а-аюсь... – передразнили Длинную Пачку Резиновые Шлёпанцы, стоявшие у двери. – А как насчет по пяткам лупить? Полупили бы с наше – забыли бы

своё «взлета-а-аю, опуска-а-аюсь»! Мы сегодня – до начала спектакля – знаете сколько раз с ног сбились?

Тут Резиновые Шлёпанцы взглянули на затаившие дыхание Балетные Туфельки и добавили:

– А Вам и правда давно бы пора отдышаться! Не то создаётся впечатление, что Вы тут самые неподъёмные.

– Да мы уж и отдышались, – примирительно сказали Балетные Туфельки, посылая Длинной Пачке короткий сочувственный вздох. – Хоть прямо сейчас опять на сцену!

Тяжёлый Бархатный Халат и Резиновые Шлёпанцы с пониманием переглянулись: вот уж легкомысленные создания эти Балетные Туфельки! Всё бы им только порхать по сцене да горя не знать... Недаром к ним даже специально пришивают такие розовые ленты: ленты завязывают вокруг ноги, чтобы балерина как-нибудь ненароком со сцены не улетела!...

– Ну, ладно, на покой пора, – резко закончили разговор Резиновые Шлёпанцы. – Завтра опять с утра пораньше по пяткам лупить да с ног сбиваться... вот жизнь!

И примерочная наконец погрузилась в молчание. Только ближе к полуночи розовые ленты вдруг неожиданно развязались во сне – и невесомые Балетные Туфельки с громким стуком упали на пол. Это зашитые в их носки тяжёлые деревянные наконечники ударились о гулкие половицы.

Для самих Балетных Туфелек стук такой был привычен: они наизусть знали его по сцене – и не проснулись. Зато,

словно по команде, проснулись и заворчали Резиновые Шлёпанцы – посылая страшные проклятия этому увальню театральному сторожу, который там у себя среди ночи роняет на пол какие-то невероятно тяжёлые предметы!

ПОНЕДЕЛЬНИК, ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ

Понедельник-День-Тяжёлый сидел на скамейке около вокзала и вздыхал. Он вздыхал настолько безнадежно, что Жизнерадостный Паровозик, на всех парах пытавшийся задержать собственный отъезд, потому что сигнала отправиться всё не давали и не давали, даже спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.